2 экз
„Пров 39"
„Пров 49"

Изданіе редакціи „Освобожденія"

ДѢЛО О Т. Н. БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦІИ

Обвинительный актъ

Stuttgart
Verlag und Druck von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1904

ПР

Дѣло о т. н. Боевой Организаціи разсматривалось (съ 18-го февраля 1904 г. ст. ст.) въ С.-Петербургскомъ Военно-Окружномъ Судѣ подъ предсѣдательствомъ г. Остенъ-Сакена и кончилось присужденіемъ Гершуни, Мельникова и Григорьева къ смертной казни, Вейценфельда къ 4-мъ годамъ каторжныхъ работъ и Ремянниковой къ наказанію, намъ еще въ точности неизвѣстному. Поручикъ Григорьевъ, предавшій всѣхъ прочихъ подсудимыхъ, на колѣняхъ умолялъ судъ ходатайствовать передъ Царемъ объ его помилованіи.

Ред.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3956
24

Обвинительный актъ

по дѣлу о Шавельскомъ мѣщанинѣ Гершѣ Ицковѣ Гершуни, Житомирскомъ мѣщанинѣ Аронѣ Іословѣ Вейценфельдѣ, Селенгинскомъ мѣщанинѣ Михаилѣ Михайловѣ Мельниковѣ, отставномъ поручикѣ артиллеріи Евгеніи Константиновѣ Григорьевѣ и дочери Екатеринбургскаго купца, дѣвицѣ Людмилѣ Александровой Ремянниковой, преданныхъ Петербургскому Военно-Окружному Суду Помощникомъ Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа.

2-го апрѣля 1902 года въ городѣ С.-Петербургѣ въ Маріинскомъ Дворцѣ, въ помѣщеніи Комитета Министровъ, выстрѣлами изъ револьвера былъ смертельно раненъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Егермейстеръ Сипягинъ.

29-го іюля того же года, въ городѣ Харьковѣ было произведено покушеніе на жизнь Харьковскаго губернатора, князя Оболенскаго.

6-го мая 1903 года въ общественномъ паркѣ города Уфы нѣсколькими пулями былъ убитъ на мѣстѣ Уфимскій губернаторъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Богдановичъ.

Кромѣ того, въ апрѣлѣ и маѣ 1902 года, какъ обнаружено впослѣдствіи, были предприняты подготовительныя дѣйствія съ цѣлью совершенія убійства Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева.

Произведеннымъ разслѣдованіемъ установлено, что всѣ вышеозначенныя злодѣянія имѣли политическій характеръ и явились результатомъ дѣятельности преступнаго сообщества, такъ называемой партіи соціалистовъ-революціонеровъ, стремящейся путемъ насилій ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ Правленія и приводящей въ исполненіе свои преступныя посягательства черезъ особый кружокъ лицъ, выдѣлившійся изъ партіи подъ именемъ „Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ“.

Обстоятельства, при которыхъ были совершены означенныя злодѣянія, установлены въ такомъ видѣ:

2-го апрѣля 1902 года, въ часъ дня, въ помѣщеніе Комитета Министровъ прибылъ неизвѣстный офицеръ, одѣтый въ адъютантскую форму и, выждавъ прибытія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Егермейстера Сипягина, подошелъ къ послѣднему и со словами, что привезъ пакетъ съ бумагами отъ Великаго Князя Сергія Александровича, произвелъ въ Егермейстера Сипягина два выстрѣла, коими причинилъ безусловно смертельныя раны, отъ которыхъ Министръ черезъ часъ скончался. Схваченный и обезоруженный преступникъ заявилъ, что онъ Стефанъ Валеріановичъ Балмашевъ, и по поводу совершеннаго убійства отказался дать какія-либо показанія.

При личномъ осмотрѣ Балмашева онъ оказался одѣтымъ въ адъютантскую форму и въ рукахъ его былъ пакетъ съ надписью: „Его

Высокопревосходительству Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ Сипягину.“ Кромѣ того, у задержаннаго имѣлся кожанный портфель, въ которомъ находилось еще четыре конверта, изъ коихъ одинъ съ надписью: „Его Высокопревосходительству Господину Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода Побѣдоносцеву.“

При производствѣ слѣдствія показаніемъ содержателя магазина мужскаго платья Сагалова установлено, что задержанный и оказавшійся Балмашевымъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 27-го марта, заказалъ себѣ въ магазинѣ у Сагалова, назвавшись Быковымъ, адъютантскую форму и 30-го марта, уплативъ 116 рублей, взялъ сшитое платье. По показанію мѣщанина Евстифѣева онъ 27 марта продалъ лицу, оказавшемуся затѣмъ Балмашевымъ, адъютантскую фуражку, а по показанію мѣщанина Рогачева отъ 1-го апрѣля тотъ продалъ Балмашеву портупею, темлякъ и шашку. Затѣмъ путемъ розыска и допроса свидѣтелей было обнаружено, что Балмашевъ 28-го и 29-го марта проживалъ подъ именемъ Статскаго Совѣтника Быкова въ г. Выборгѣ, въ гостинницѣ „Сосіетэ“; 29 марта имѣлъ свиданіе съ другимъ лицомъ, занимавшимъ въ той же гостинницѣ № 9, и рано утромъ 30-го марта изъ гостинницы выѣхалъ, причемъ передъ отъѣздомъ размѣнялъ сторублевый кредитный билетъ. На слѣдствіи экспертизою было установлено, что какъ надписи на конвертахъ, такъ и отмѣтка въ книгѣ гостинницы „Сосіетэ“: „Марта 28-го, Александръ Петровичъ Быковъ, сынъ Статскаго Совѣтника (Уфа)“ имѣютъ полное сходство съ несомнѣннымъ почеркомъ Балмашева. Затѣмъ, ночь на 1 апрѣля Балмашевъ провелъ также въ Выборгѣ въ гостинницѣ „Континенталь“ и утромъ 1-го апрѣля отбылъ въ Петербургъ, причемъ по дорогѣ оставилъ на станціи Теріоки два мѣста багажа на сохраненіе, заявивъ, что пріѣдетъ вечеромъ обратно. Дѣйствительно, вечеромъ въ тотъ же день Балмашевъ прибылъ на станцію Теріоки и, захвативъ багажъ, отбылъ на извозчикѣ въ мѣстечко Теріоки; здѣсь Болмашевъ остановился на постояломъ дворѣ и утромъ 2-го апрѣля, переодѣвшись въ военное платье, снова возвратился на станцію, забывъ при этомъ на постояломъ дворѣ шашку, и съ поѣздомъ, отходящимъ въ 8 часовъ, отправился въ Петербургъ. Въ 11 часовъ утра Балмашевъ пріобрѣлъ въ гостинномъ дворѣ другую шашку, а въ 12-мъ часу пришелъ въ кондитерскую Филиппова и тамъ ждалъ заказанную наканунѣ карету, послѣ чего и направился въ поданной каретѣ къ Маріинскому Дворцу.

При производствѣ слѣдствія, отзывомъ ректора Университета Св. Владиміра было установлено, что обвиняемый Балмашевъ, сынъ дворянина Саратовской губерніи, родился въ 1881 году, во время пребыванія въ Университетѣ дважды участвовалъ въ студенческихъ безпорядкахъ и во второй разъ былъ присужденъ къ удаленію изъ Университета съ зачисленіемъ въ войска на одинъ годъ, а по освобожденіи отъ военной службы, въ силу Высочайшаго повелѣнія 5-го іюня 1901 года, по опредѣленію Правленія Университета вновь былъ зачисленъ въ Университетъ. Затѣмъ въ томъ же 1901 г. Балмашевъ былъ привлеченъ Начальникомъ Кіевскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго по 252 ст. Уложенія и затѣмъ въ 1902 г. по постановленію Университета былъ изъ Университета уволенъ. Въ началѣ 1902 г., до половины марта,

Балмашевъ проживалъ въ Саратовѣ, а 15-го марта, по сообщенію Начальника Саратовскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, выбылъ въ Кіевъ, но, какъ видно изъ увѣдомленія Кіевскаго Полиціймейстера, въ Кіевъ не прибылъ.

По объясненію экспертовъ пистолетъ, изъ котораго были произведены выстрѣлы, системы Браунингъ, заряжающійся 7-ю патронами, оказался безъ щекъ, которыя, повидимому, были сняты для удобства, чтобы не оттопыривали кармана. Два №№ на пистолетѣ оказались спиленными напилкомъ, а третій на прицѣлѣ остался. Пули, извлеченныя изъ тѣла Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина, оказались съ головками, распиленными крестообразно, съ цѣлью усилить разрушительное дѣйствіе пуль.

Въ рукописяхъ Балмашева, отобранныхъ еще въ Кіевѣ, встрѣчаются, какъ видно изъ протокола осмотра, такія мѣста: „Студенчество дождалось сильнѣйшихъ репрессій... Измѣненіе академическаго режима возможно исключительно съ перемѣной всего общественнаго строя, почему студенты и должны стртмиться къ уничтоженію современнаго монархическаго буржуазнаго строя.“

Приговоромъ Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда отъ 26-го апрѣля 1902 г. дворянинъ Балмашевъ, признанный виновнымъ въ убійствѣ Егермейстера Сипягина, былъ присужденъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе и 3-го мая того же года этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Соучастники и сообщники Балмашева въ убійствѣ Егермейстера Сипягина къ тому времени оставались еще не обнаруженными.

29 іюля 1902 г., какъ сказано выше, было произведено покушеніе на жизнь Харьковскаго Губернатора князя Оболенскаго. Въ этотъ день вечеромъ въ саду „Тиволи“ неизвѣстный человѣкъ въ крылаткѣ и соломенной шляпѣ выстрѣлилъ изъ револьвера въ князя Оболенскаго въ то время, когда тотъ остановился, разговаривая съ знакомыми у дверей театра. Пуля пролетѣла мимо князя, слегка контузивъ его въ шею. При задержаніи преступникъ произвелъ еще два выстрѣла и ранилъ въ ногу Полиціймейстера Безсонова. При обыскѣ задержаннаго въ боковомъ карманѣ нашли пакетъ съ надписью: „Приговоръ Харьковскому Губерналору князю Оболенскому.“

При допросѣ 30-го іюля задержанный показалъ, что онъ членъ „Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ“; что назвать имя и фамилію свои онъ не желаетъ и что по постановленію „Боевой Организаціи“ онъ хотѣлъ убить князя Оболенскаго за тѣ мѣры, которыя тотъ примѣнялъ по отношенію къ крестьянамъ; ихъ партія, пояснилъ онъ, звала крестьянъ на борьбу и они считали обязанностью крестьянъ защищать. На послѣдующихъ допросахъ обвиняемый показалъ, что пистолетъ былъ заряженъ патронами съ отравленными стрихниномъ пулями и что патроны эти и револьверъ онъ получилъ отъ „Боевой Организаціи“.

При осмотрѣ револьвера на немъ оказались надписи: „За пролитую крестьянскую кровь“, „Боевая Организація“, „Смерть царскому палачу“.

При осмотрѣ пакета съ надписью: „Приговоръ Харьковскому Губернатору князю Оболенскому“ оказалось, что приговоръ этотъ исходитъ отъ „Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціоне-

ровъ“ и состоялся 22-го іюля 1902 года въ г. Петербургѣ, причемъ въ приговорѣ этомъ выражено, что за тѣ мѣры, которыя примѣнялъ князь Оболенскій при возникновеніи крестьянскихъ безпорядковъ въ Харьковской губерніи, „Боевая Организація“ признала необходимымъ прекратить административную дѣятельность князя Оболенскаго и смѣстить единственнымъ, имѣющимся въ рукахъ партіи средствомъ — смертью и что приведеніе приговора въ исполненіе было поручено члену „Боевой Организаціи“. Въ примѣчаніи къ приговору было сказано, что полный обвинительный актъ князю Оболенскому будетъ напечатанъ въ органѣ партіи „Революціонной Россіи“.

При химическомъ изслѣдованіи вещества въ нарѣзкахъ пули патрона, вещество это оказалось стрихниномъ, покрытымъ тонкимъ слоемъ бѣлаго воску. Вскорѣ затѣмъ личность преступника была установлена и онъ оказался крестьяниномъ Кіевской губерніи Фомою Качурой, 26-ти лѣтъ, по ремеслу столяромъ.

Приговоромъ временнаго военнаго суда въ городѣ Харьковѣ отъ 25-го октября 1902 года крестьянинъ Качура былъ признанъ виновнымъ въ принадлежности къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, въ покушеніи, отъ имени этой партіи, на убійство Харьковскаго Губернатора князя Оболенскаго и въ вооруженномъ сопротивленіи полицейскимъ властямъ и приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшаніе, но затѣмъ, послѣ того какъ князь Оболенскій обратился съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о дарованіи жизни осужденному, Государь Императоръ, въ уваженіе этого ходатайства, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ опредѣленную Качурѣ смертную казнь замѣнить ссылкой въ каторжныя работы безъ срока.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ при производствѣ слѣдствія по сему дѣлу, такъ и при разсмотрѣніи дѣла на судѣ, лица, вовлекшія Качуру въ составъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, и именно въ боевую ея организацію, а также соучастники въ покушеніи на убійство князя Оболенскаго, за отказомъ тогда Качуры дать по сему предмету какія-либо показанія остались не обнаруженными. Обнаружить этихъ лицъ, а также соучастниковъ убійства Министра Внутреннихъ Дѣлъ Егермейстера Сипягина, удалось при производствѣ разслѣдованія по слѣдующему поводу:

8-го февраля 1903 года въ гор. Петербургѣ были произведены обыски въ квартирахъ у обучавшихся въ Михайловской Артиллерійской Академіи поручика Артиллеріи Евгенія Григорьева и сожительницы его, дочери дворянина Юліи Юрковской и у поручика Артиллеріи Владиміра Васильева, при чемъ у послѣдняго была обнаружена нелегальная литература.

На допросѣ поручикъ Васильевъ объяснилъ, что нелегальныя книги и брошюры имъ получены отъ товарища его по Академіи Поручика Григорьева; что же касается печатнаго журнала „Революціонная Россія“, то этотъ номеръ еще октября 1902 года былъ взятъ имъ, Васильевымъ, въ аудиторіи Академіи, со стола поручика Григорьева, безъ вѣдома послѣдняго.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, поручикъ Григорьевъ показалъ, что вышеупомянутыя книги и брошюры были переданы недѣли за двѣ до его, Григорьева, ареста поручику Васильеву для прочтенія по личной его просьбѣ. Изданія эти были получены имъ

въ одинъ изъ первыхъ дней Рождества 1902 года отъ брата его, обвиняемаго, сожительницы, Фрола Юрковскаго, прибывшаго тогда изъ Кіева. Юрковскій во время своего пребыванія въ Петербургѣ былъ у него на квартирѣ раза три и въ одно изъ этихъ посѣщеній снабдилъ его значительнымъ количествомъ такихъ брошюръ.

Съ семействомъ Юрковскихъ онъ, Григорьевъ, познакомился въ Кіевѣ весною 1901 года и настолько сошелся близко съ Юліей Юрковской, что въ августѣ того же года уѣхалъ вмѣстѣ съ ней въ Петербургъ, гдѣ и остался, поступивъ въ Михайловскую Артиллерійскую Академію. Еще въ бытность въ Кіевѣ Фролъ Юрковскій сталъ знакомить его съ нелегальной литературой и доставалъ разнаго рода листки и прокламаціи, а по пріѣздѣ Юрковскаго на Пасху 1902 года въ Петербургъ имъ были привезены и нѣсколько нумеровъ „Революціонной Россіи“. Въ мартѣ или въ началѣ апрѣля 1901 года, когда онъ проживалъ въ Кіевѣ, къ нему на квартиру пришелъ знакомый ему до того отрекомендовавшійся Василіемъ Никитичемъ Дорошенко (впослѣдствіи оказавшійся Бартошкинымъ) и заявилъ, что присланъ къ нему отъ его знакомой Лидіи Петровны (Уваровой), которая оказалась въ то время арестованною въ гор. Петербургѣ. Сообщивъ ему новость, Дорошенко переночевалъ у него на квартирѣ и съ тѣхъ поръ завязалось съ нимъ знакомство; спустя короткое время Дорошенко снабдилъ его для прочтенія нѣсколькими брошюрами нелегальнаго свойства и обѣщалъ познакомить съ такимъ человѣкомъ, который можетъ разъяснить всякій споръ по поводу этихъ брошюръ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, Дорошенко привелъ обѣщаннаго человѣка, отрекомендовавшаго себя „Федоромъ Петровичемъ“ и подъ этимъ именемъ онъ, Григорьевъ, зналъ всегда ту личность, которая оказалась впослѣдствіи провизоромъ Григоріемъ Гершуни. Этотъ Федоръ Петровичъ своею начитанностью и умѣньемъ разсказывать произвелъ на него сильное впечатлѣніе, хотя въ Кіевѣ посѣтилъ его только два раза и вскорѣ уѣхалъ въ Москву. Дорошенко же уѣхалъ въ Харьковъ и онъ, обвиняемый, предполагалъ окончательно прервать связь съ революціонными кружками. 5-го августа 1901 года онъ уѣхалъ изъ Кіева и поступилъ въ Михайловскую Артиллерійскую Академію, при чемъ до 1902 года не имѣлъ никакихъ сношеній съ революціонерами. Но въ началѣ 1902 года появился опять тотъ же Федоръ Петровичъ, онъ же Гершуни, и, сообщая ему различныя новости политическаго характера, сталъ все чаще и чаще посѣщать его крартиру (по Симбирской ул. д. № 49), принося время отъ времени свѣжіе нумера „Революціонной Россіи“ и, разсказывая случаи изъ дѣятельности органовъ правительства, освѣщалъ ихъ такимъ образомъ, что возбуждалъ негодованіе противъ правительственной власти. Эти агитаціонныя бесѣды произвели на него, Григорьева, такое впечатлѣніе, что Гершуни не трудно было склонить его уже и къ совершенію какого-нибудь террористическаго акта, на что, дѣйствительно, и было однажды дано имъ согласіе. Спустя нѣсколько дней послѣ покушенія на жизнь Московскаго Оберъ-Полиціймейстера Трепова, Гершуни принесъ ему пистолетъ системы Броунингъ съ просьбой осмотрѣть и оцѣнить его качества и, когда получилъ отвѣтъ, что для этого надо испытать пистолетъ на дѣлѣ, то попросилъ его, обвиняемаго, купить ему 50 штукъ па-

троновъ, что и было имъ исполнено въ оружейномъ магазинѣ Чижова. Вскорѣ послѣ этого Гершуни, зайдя какъ-то къ нему, Григорьеву, заявилъ, что произведенные имъ съ товарищемъ въ Финляндіи опыты съ пистолетомъ превзошли всякія ожиданія, при чемъ только выразилъ сомнѣніе въ цѣлесообразности щекъ пистолета, препятствовавшихъ, по мнѣнію его, удобству держанія рукоятки при выстрѣлѣ; щеки эти были отвинчены Гершуни и оставлены на квартирѣ его, Григорьева. Такъ какъ онъ, Григорьевъ, незадолго передъ тѣмъ купилъ также револьверъ Броунинга въ магазинѣ Чижова, расписавшись фамиліей Федорова (Фадѣева), то онъ воспротивился сниманію третьяго номера, объяснивъ, что при спиленныхъ номерахъ будетъ трудно доказать, кѣмъ купленъ пистолетъ. Все это, а равно какъ и разспросы Гершуни о способѣ надѣванія шпоръ на высокіе сапоги и аксельбантовъ, происходило незадолго до 2 апрѣля 1902 года (день убійства егермейстера Сипягина). На замѣчаніе его, Григорьева, для чего это нужно, Гершуни только отвѣтилъ, что истинному революціонеру необходимо знать все, намекнувъ при этомъ темно и таинственно на нѣчто, долженствующее въ скоромъ времени совершиться, но что именно, несмотря на распросы, не объяснилъ. Въ самый день убійства егермейстера Сипягина, Гершуни былъ у него, Григорьева, на квартирѣ утромъ около 10 час., видимо взволнованный, и показывалъ какіе-то исписанные карандашемъ небольшіе листочки, компрометирующаго, какъ онъ говорилъ, свойства, случайно забытые, но найденные имъ въ вагонѣ поѣзда, съ которымъ только что прибылъ изъ Финляндіи. Узнавъ объ убійствѣ егермейстера Сипягина 2-го апрѣля, первою мыслью его, обвиняемаго, было, что это дѣло не обошлось безъ участія Гершуни, а когда на другой день, 3-го апрѣля, Гершуни пришелъ къ нему и принесъ отпечатанную на циклостилѣ прокламацію по поводу означеннаго убійства за подписью „Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ“, то Гершуни признался въ своей причастности къ помянутому преступленію и разсказалъ всѣ его подробности, какъ Балмашевъ забылъ шашку въ Теріокахъ, изъ за чего дѣло чуть не провалилось, что Балмашевъ пріѣхалъ изъ Саратова, и Гершуни жилъ въ Выборгѣ съ Балмашевымъ въ одной гостиницѣ и что послѣдній долженъ былъ поразить или Министра Сипягина, или Оберъ-Прокурора Побѣдоносцева, смотря потому, кто изъ нихъ первый встрѣтится. Послѣ этого, не ожидая такой развязки, онъ, обвиняемый, понялъ, что безвозвратно скомпрометированъ и погибъ; подъ вліяніемъ такого настроенія Гершуни напомнилъ тотчасъ о данномъ словѣ приступить къ активнымъ террористическимъ дѣйствіямъ и, получивъ на то согласіе, предложилъ ему, Григорьеву, совершить посягательство на жизнь Оберъ-Прокурора Св. Синода Побѣдоносцева. Выбравъ временемъ покушенія день похоронъ Министра Сипягина (5-го апрѣля), Гершуни приступилъ къ приготовленіямъ, описавъ подробно наружные признаки кареты, въ которой долженъ былъ слѣдовать въ похоронной процессіи Побѣдоносцевъ, указалъ масть лошадей, снабдилъ фотографической карточкой, прося хорошенько изучить черты его лица и научилъ его, Григорьева, пробравшись въ толпѣ возможно ближе къ каретѣ, выбрать удобный моментъ для производства выстрѣла. За все это время, предшествовавшее покушенію, Гершуни навѣщалъ

его и старался поддержать настроеніе соотвѣтственной бесѣдой, рисуя передъ нимъ картину славы великаго народнаго героя-мученика и благодарности потомства, тутъ же сказалъ, что черезъ недѣлю послѣ этого покушенія новый исполнительный комитетъ пошлетъ правительству ультиматумъ, за которымъ послѣдуетъ рядъ систематическихъ покушеній. Наканунѣ Гершуни снабдилъ его 50 рублями, чтобы на случай, если будетъ возможность скрыться, не нуждаться на первое время въ деньгахъ, указалъ отправиться въ Пензу и ждать одного молодого человѣка, который сказалъ бы ему, Григорьеву, пароль „Федоръ Петровичъ кланяется“. Тогда же Гершуни настаивалъ на томъ, чтобы онъ, Григорьевъ, написалъ прощальное письмо товарищамъ агитаціоннаго содержанія; однако, написавъ строчекъ десять, онъ отказался отъ дальнѣйшаго изложенія, заявивъ, что это будетъ фальшиво, и Гершуни, видимо недовольный, всетаки взялъ начатое письмо, заявивъ, что докончитъ ее самъ, при этомъ взялъ также и его фотографическую карточку для революціоннаго архива; впослѣдствіи письмо было возвращено обратно и оно было сожжено.

Пріобрѣтя новый пистолетъ Браунинга въ магазинѣ Венига, взамѣнъ купленнаго имъ на деньги Гершуни ранѣе, въ виду компрометирующей его, какъ офицера, на томъ пистолетѣ надписи, вырѣзанной Гершуни: „такъ казнятъ враговъ народа“, и получивъ отъ Гершуни собственноручно распиленные на крестъ патроны съ отравленными пулями, онъ, Григорьевъ, въ указанный день похоронъ вышелъ изъ дому для присоединенія къ похоронной процессіи Министра Сипягина, но на Невскомъ проспектѣ, дойдя уже до подходящей по примѣтамъ кареты, у него не хватило рѣшимости выполнить задуманный умыслеъ, и, когда на другой день объ этомъ узналъ Гершуни, то послѣдній остался этимъ очень недоволенъ и тутъ же приступилъ съ помощью его, Григорьева, къ обсужденію новаго плана покушенія на жизнь Оберъ Прокурора Св. Синода Побѣдоносцева. Тѣмъ не менѣе вскорѣ Гершуни почему-то покинулъ столицу, обѣщая для окончательной организаціи этого второго покушенія прислать вмѣсто себя замѣстителя. Дѣйствительно, дней черезъ шесть, послѣ отъѣзда Гершуни, къ нему, Григорьеву, на квартиру явился незнакомый господинъ, назвавшійся Иваномъ Николаевичемъ Кузнецовымъ, предварительно произнеся установленный пароль „Федоръ Петровичъ кланяется“. (По предъявленіи Григорьеву фотографической карточки Селенгинскаго мѣщанина Михаила Мельникова, бывшаго студента Горнаго Института, Григорьевъ призналъ въ ней именно то лицо, которое выдавало себя за Кузнецова.) Мельниковъ пріѣхалъ съ какой-то барышней, привезъ съ собой два тючка нелегальной литературы, которую спутница въ тотъ же день куда-то увезла, и разсказалъ, что видѣлся съ Гершуни въ г. Пензѣ, отъ котораго узналъ всѣ подробности предполагавшагося 4-го апрѣля покушенія. При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ Мельникова было приступлено къ совмѣстной разработкѣ задуманнаго плана нападенія на Оберъ-Прокурора Побѣдоносцева, не приведшей, однако, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Посѣщая его, Григорьева, Мельниковъ однажды принесъ съ собою деревянный ящикъ и потребовалъ тотъ пистолетъ, который былъ купленъ имъ, обвиняемымъ, въ магазинѣ Чижова на деньги Гершуни, съ вырѣзанной послѣднимъ

надписью: „такъ казнятъ враговъ народа“. Получивъ этотъ пистолетъ, Мельниковъ, спиливъ предварительно его номеръ и зачистивъ надпись, упаковалъ пистолетъ съ патронами въ ящикъ; послѣ чего зашилъ въ полотно, надписалъ адресъ въ г. Минскъ, но кому именно не помнитъ; на вопросъ же, зачѣмъ эта посылка въ Минскъ, Мельниковъ отвѣтилъ, что „Бундъ“ (еврейскій революціонный союзъ) прислалъ 30 рублей и проситъ выслать револьверъ Броунинга. Вообще Мельниковъ интересовался пистолетами системы Браунингъ и въ одно изъ своихъ посѣщеній просилъ научить съ ними обращаться, и былъ такой случай, когда при обученіи Мельникова произошелъ неожиданно выстрѣлъ, и пуля, ударившись въ косякъ двери, ведущей въ комнату хозяйки квартиры, засѣла тамъ на высотѣ двухъ аршинъ. Измученный пережитыми волненіями, онъ, Григорьевъ, рѣшилъ 10 іюня 1902 года уѣхать изъ Петербурга въ имѣніе своей матери, въ селеніе Джубру, и, со времени отъѣзда, Мельникова уже больше не видѣлъ; когда же въ сентябрѣ вернулся въ Петербургъ и узналъ, что во время его отсутствіе къ нему на квартиру приходила два раза какая-то барышня, справлявшаяся о немъ, онъ, Григорьевъ, предполагая въ особѣ этой нѣкую Людмилу Александровну Ремянникову, о знакомствѣ съ которой будетъ сказано ниже, просилъ черезъ свою сожительницу Юлію Юрковскую передать Ремянниковой для сообщенія кому она найдетъ нужнымъ его бывшимъ друзямъ, что отнынѣ онъ никакого участія въ революціонномъ дѣлѣ принимать не будетъ. При свиданіи Юліи Юрковской по этому поводу съ Ремянниковой, послѣдняя поручила передать, что Мельниковъ изъ Петербурга уѣхалъ, но что вмѣсто него присланъ неизвѣстно кѣмъ какой-то „нумеръ третій“, который желалъ-бы съ нимъ повидаться. На это онъ послалъ вторично Юлію Юрковскую передать Ремянниковой, что ни въ какія отношенія съ „нумеромъ третьимъ“ вступать не будетъ. Относительно своего знакомства съ Ремянниковой, онъ, обвиняемый, можетъ объяснить слѣдующее: въ мартѣ 1902 г., когда онъ ожидалъ къ себѣ Гершуни, къ нему зашла неизвѣстная особа и сообщила, что Гершуни по болѣзни придти не можетъ; просидѣвъ около полчаса, она ушла; затѣмъ отъ самого Гершуни онъ узналъ, что особу эту зовутъ Людмилой Александровной, но о фамиліи ея Гершуни умолчалъ. Когда Гершуни собирался въ первыхъ числахъ апрѣля уѣхать изъ Петербурга, то сообщилъ ему, что всѣ свѣдѣнія о немъ, Гершуни, онъ можетъ получить лично отъ Людмилы Александровны, указавъ, что ее всегда можно застать послѣ пяти часовъ дня въ лазаретѣ Епархіальнаго училища по нечетнымъ числамъ мѣсяца и, прибавивъ, что будетъ съ нею переписываться. Однако, на квартирѣ у Ремянниковой ему бывать никогда не приходилось; сама же Ремянникова была у него второй разъ вскорѣ послѣ отъѣзда Гершуни и, кажется, до отъѣзда Мельникова и третій разъ на Рождествѣ по просьбѣ Юрковскаго, пріѣхавшаго въ декабрѣ 1902 г. въ Петербургъ и просившаго сестру Юлію указать адресъ Людмилы Александровны, для которой у него было какое-то порученіе; получивъ адресъ, Юрковскій, однако, просилъ позволенія устроить ему свиданіе у него, Григорьева, на квартирѣ. Давъ на это согласіе, Ремянникова явилась на квартиру, но, просидѣвъ часъ и не дождавшись Юрковскаго, ушла, и болѣе съ Ремянниковой онъ, Григорьевъ, не видѣлся. Юр-

ковскій же имѣлъ съ нею свиданіе на другой день въ ея квартирѣ. Была ли Ремянникова знакома съ Мельниковымъ, утвердительно сказать не можетъ, но предполагаетъ, что она Мельникова знала, выводя это изъ того факта, что на переданный черезъ Юрковскую отказъ видѣться съ „нумеромъ третьимъ“ Ремянникова ей замѣтила, что, дѣйствительно, „нумеръ третій“ будетъ сортомъ пониже нумера перваго и второго, подразумѣвая несомнѣнно подъ этими нумерами Гершуни и Мельникова. Эти послѣдніе, помимо знакомства съ Ремянниковой, имѣли еще сношенія съ заграницей, такъ какъ въ мартѣ 1902 года Гершуни писалъ на квартирѣ его письмо въ Парижъ и проявлялъ полученныя оттуда же написанныя химическими чернилами письма, не упоминая, впрочемъ, ни разу фамилій писавшихъ. Мельниковъ же въ концѣ апрѣля говорилъ, что въ Парижѣ былъ сдѣланъ обыскъ у многихъ эмигрантовъ, и найдены многіе документы, имѣющіе отношеніе къ дѣлу Балмашева, прибавивъ съ видимой досадой, что вслѣдствіе этого испорчены адреса. Наконецъ, что касается принадлежности, какъ его, обвиняемаго, такъ и другихъ лицъ (Гершуни, Мельникова и Ремянниковой) къ „Боевой организаціи“, то себя лично онъ не считалъ принадлежащимъ къ этой организаціи, такъ какъ свои сношенія велъ съ однимъ Гершуни и его представителемъ, Мельниковымъ, которые, какъ, ему казалось, получали непосредственныя указанія отъ какого-то таинственнаго источника, именуемаго „Боевой организаціей“, а онъ, Григорьевъ, былъ лишь простымъ добровольцемъ ея, но не дѣйствительнымъ членомъ. Относительно Ремянниковой утвердительныхъ данныхъ о ея принадлежности къ „Боевой Организаціи“ у него не имѣется; черезъ нее велись имъ сношенія съ Гершуни, сама же она всегда отрицала существованіе подобной организаціи. На ряду съ этимъ, когда въ ноябрѣ 1902 года прошелъ слухъ, что на Министра Внутреннихъ Дѣлъ предполагается покушеніе и когда по этому поводу Юрковская спросила Ремянникову, то та отвѣтила, что это сплетни и что на ноябрь ничего не подготовляется и не подготовлялось. Точно также не было у него положительныхъ основаній о принадлежности къ помянутой организаціи и Мельникова, объ этомъ Мельниковъ ему ни разу не упоминалъ и только онъ, Григорьевъ, предполагалъ, что Мельниковъ принадлежалъ къ „Боевой Организаціи“.

О Гершуни же можетъ сказать, что, хотя тотъ и не говорилъ о своей принадлежности къ названной организаціи, тѣмъ не менѣе при подготовкѣ террористическихъ актовъ у него вырывались иногда выраженія въ родѣ „мы сдѣлали“, „мы обсудимъ“ и т. д.

Приведенное показаніе обвиняемаго Григорьева объ обстоятельствахъ совершеннаго убійства егермейстера Сипягина, а также показанія о приготовленіяхъ къ убійству Оберъ-Прокурора Св. Синода Побѣдоносцева нашли себѣ подтвержденіе въ приведенныхъ выше обстоятельствахъ событія 2-го апрѣля; такъ при Балмашевѣ, послѣ убійства, были найдены два большихъ пакета съ надписями на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина и Оберъ-Прокурора Св. Синода Побѣдоносцева; затѣмъ выше приведено, что, уѣзжая 2 апрѣля съ утреннимъ поѣздомъ изъ Теріокъ въ гор. С.-Петербургъ, Балмашевъ, дѣйствительно, забылъ на постояломъ дворѣ офицерскую шашку и, по прибытіи въ Петербургъ, отправился въ гостинный

дворъ и купилъ тамъ въ магазинѣ Иванова новую шашку, которую тамъ же и одѣлъ. Засимъ отобранный у Балмашева пистолетъ системы Броунинга оказался съ отвинченными щеками; извлеченныя изъ тѣла покойнаго егермейстера Сипягина пули найдены съ головками, распиленными крестообразно, а изъ трехъ номеровъ на пистолетѣ два оказались спиленными и оставленъ лишь одинъ № 11911; и по предъявленіи означеннаго пистолета обвиняемому Григорьеву, послѣдній призналъ его за тотъ самый, съ которымъ Гершуни производилъ свои предварительные опыты въ Финляндіи въ концѣ марта 1902 года. Точно также слѣдствіемъ было установлоно, что съ 27 до 30 марта Балмашевъ, проживая въ г. Выборгѣ, останавливался въ № 3 гостинницы „Сосіетэ“, и показаніемъ служанки при названной гостинницѣ, финляндской уроженки Вильгельмины Карлсонъ (по мужу Гелинъ), удостовѣряется, что Балмашевъ имѣлъ тамъ свиданіе съ другими лицами. При допросѣ свидѣтельница Карлсонъ показала, что 28-го марта въ 12 часовъ утра Балмашева посѣтилъ одинъ молодой человѣкъ, котораго свидѣтельница при допросѣ положительно признала въ предъявленномъ ей лично Михаилѣ Мельниковѣ; въ томъ, что посѣтитель былъ именно Мельниковъ, она, смотря на него, при предъявленіи ей его на допросѣ, нисколько не сомнѣвается, говоритъ съ полною увѣренностью и припоминаетъ даже манеру его сидѣть, когда онъ былъ въ номерѣ. Кромѣ Мельникова, на другой день, 29-го марта, уже вечеромъ къ Балмашеву въ № 3 пришелъ другой человѣкъ, остававшійся у него довольно продолжительное время; гость этотъ остановился въ той же гостинницѣ въ № 9; войдя въ номеръ для приготовленія постели, свидѣтельница застала ихъ стоявшими у ломбернаго стола и разсматривавшими какія-то бумаги, въ исходѣ 10 часа постоялецъ вышелъ отъ Балмашева и приказалъ ей разбудить его къ утреннему 6-часовому поѣзду, отходящему изъ Выборга, а Балмашевъ, не давъ приготовить постель, заявилъ, что ѣдетъ съ пятичасовымъ утреннимъ почтовымъ поѣздомъ. По предъявленіи свидѣтельницѣ Григорія Гершуни, она признала въ немъ полное сходство съ тѣмъ лицомъ, который 29 марта останавливался въ № 9 и былъ у Балмашева. Кромѣ сего, въ виду имѣвшейся въ книгѣ для пріѣзжающихъ названной гостинницы собственноручной записи этого гостя подъ 29 марта фамиліи „Brentow Kaufmann“, было произведено сличеніе несомнѣннаго почерка Гершуни съ этой записью, и экспертиза установила сходство записи „Brentow Kaufmann“ съ почеркомъ Гершуни.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ въ отношеніи Григорія Гершуни, Михаила Мельникова и Людмилы Ремянниковой, какъ лицъ, причастныхъ къ выполненію задуманнаго плана убійства егермейстера Сипягина, установлено, что на другой день убійства, Гершуни, зайдя къ Григорьеву, показалъ прокламацію, датированную 3 апрѣлемъ, съ надписями: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, „по дѣламъ нашимъ судить будутъ Васъ“ и начинающуюся: „они этого хотѣли, они этого дождались“. Содержаніе этой прокламаціи относится къ убійству Министра Сипягина, причемъ высказывается рѣшеніе партіи соціалистовъ-революціонеровъ дѣйствовать терроромъ. Въ концѣ имѣется подпись: „Боевая организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ“; текстъ этой прокламаціи, по показанію Григорьева, почти тождественъ

и съ печатнымъ воззваніемъ, выпущеннымъ того же 3-го апрѣля и тою же „Боевой Организаціей“. Засимъ 5-го того же апрѣля въ Петербургскомъ почамтѣ былъ задержанъ пакетъ по адресу въ Парижъ съ двумя рукописями преступнаго содержанія, одна изъ этихъ рукописей аналогична съ вышеприведенною прокламаціею, съ добавленіемъ лишь свѣдѣній, полученныхъ авторомъ о бунтѣ рабочихъ на Воткинскихъ заводахъ и объ арестахъ нѣкоторыхъ лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за прикосновенность къ революціонному движенію. Другая рукопись также на листѣ почтовой бумаги, малаго формата, написанная тѣмъ же почеркомъ съ заголовкомъ „Казнь Министра Сипягина“, начинается такъ: „Безумно смѣлая по замыслу и блестяще выполненная казнь Сипягина произвела на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Громъ грянулъ въ такую минуту и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его никто не ожидалъ. Были предвидѣны мельчайшія подробности, случайности, обдуманы всевозможныя детали, благодаря чему все совершилось такъ, какъ расчитывали.“ Далѣе идетъ описаніе убійства егермейстера Сипягина Степаномъ Балмашевымъ съ весьма точнымъ изложеніемъ всѣхъ подробностей этого злодѣянія, указывается костюмъ Балмашева, его поведеніе передъ убійствомъ и послѣ, и сообщаются такія детали устройства и испытанія пистолета, какія могутъ быть извѣстны лишь лицу, вполнѣ посвященному въ подготовку означеннаго злодѣянія; въ концѣ приведены нѣкоторыя біографическія данныя о Балмашевѣ. По сличеніи приведенныхъ рукописей съ несомнѣннымъ почеркомъ Людмилы Ремянниковой эксперты пришли къ положительному убѣжденію, что оба эти документа написаны рукою Ремянниковой.

По тому же адресу также въ Парижъ было послано письмо и сожительницею Григорьева, Юліей Юрковской, причемъ посылка этого письма, по объясненію Юрковской, была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ: около времени совершенія убійства Егермейстера Сипягина, дня не помнитъ, къ нимъ на квартиру явился Гершуни и разсказалъ, что онъ только-что пріѣхалъ по Финляндской желѣзной дорогѣ и, выйдя изъ вагона перваго класса, забылъ въ немъ какой-то листокъ, который, однако, потомъ успѣлъ взять (это происходило, какъ видно изъ приведеннаго выше показанія обвиняемаго Григорьева, какъ разъ 2-го апрѣля); затѣмъ, обращаясь къ свидѣтельницѣ и вручая черновикъ, Гершуни попросилъ ее переписать текстъ, отговариваясь неимѣніемъ времени сдѣлать это самому. По уходѣ Гершуни, Юрковская стала переписывать полученную рукопись, содержаніе которой она совершенно не помнитъ, такъ какъ она была составлена въ совершенно непонятныхъ для нея выраженіяхъ. Переписавъ рукопись, она, Юрковская, по данному ей Гершуни тогда же адресу въ Парижъ отправила переписанное, черновикъ же былъ взятъ Гершуни обратно въ одно изъ ближайшихъ его посѣщеній. Почти одновременно съ этимъ, а именно 3-го того же апрѣля, въ гор. Саратовѣ, въ двѣнадцатомъ часу дня на улицѣ былъ замѣченъ извѣстный еще съ зимы по г. Харькову человѣкъ, проживавшій по паспорту на имя дворянина Василевскаго (паспортъ этотъ впослѣдствіи оказался подложнымъ, а личность, по немъ проживавшая, Михаиломъ Мельниковымъ). Означенный субъектъ, по показанію наблюдавшихъ за нимъ мѣстныхъ агентовъ Александрова

и Шкралева, весь день проявлялъ какую-то особенную подвижность и лихорадочную дѣятельность, послѣдовательно посѣщая разныхъ лицъ, заходя въ почтово-телеграфную контору и двукратно въ редакцію „Саратовскаго Листка“. Телеграфное сообщеніе объ убійствѣ Егермейстера Сипягина было получено въ редакціи „Саратовскаго Листка“ 2-го апрѣля, въ 11 часовъ 35 минутъ вечера по петербургскому времени. Около 10 часовъ вечера Василевскій (онъ-же Мельниковъ) съ узломъ въ рукахъ остановился на извозчинѣ у одного дома, гдѣ, отпустивъ извозчика, пошелъ пѣшкомъ, но, замѣтивъ за собою наблюденіе, Мельниковъ неожиданно бросился на агента Александрова, нанеся послѣднему складнымъ ножомъ нѣсколько ранъ по головѣ; во время борьбы съ Александровымъ, Мельниковъ, оставивъ на мѣстѣ свалившуюся съ него шляпу и узелокъ со сверткомъ, скрылся. По осмотрѣ доставленнаго Александровымъ узла и свертка оказалось тамъ около 25 фунтовъ совершенно новаго типографскаго шрифта, 32 номера (№ 4) журнала „Революціонная Россія“, нѣсколько писемъ и рукопись. Рукопись писана карандашемъ, какъ видно, въ нѣсколько пріемовъ, съ различною скоростью, и даже въ разныхъ положеніяхъ пишущаго (сидя или стоя) и состоитъ изъ отдѣльныхъ полулистовъ и одного цѣлаго листа обыкновенной писчей бумаги съ проставленной нумераціей съ первой до девятой страницы. Означенная рукопись, безъ всякой подписи, начинается словами: „Бываютъ тяжелые дни, бываютъ тяжелые мрачные годы“ и по содержанію своему и направленію имѣетъ не только чисто революціонный, но и террористическій характеръ, при чемъ особенное вниманіе на себя обращаетъ, что она написана по поводу только-что тогда совершившагося убійства егермейстера Сипягина, на что, между прочимъ, указываютъ слѣдующія помѣщенныя въ ней выраженія: „Вслѣдъ за Карповичемъ, вслѣдъ за Лаговскимъ явился новый соколъ, новый исполнитель революціонной казни надъ однимъ изъ главныхъ оплотовъ царизма. Мы соціалисты-революціонеры горячо привѣтствуемъ этихъ героевъ, какъ первыхъ ласточекъ революціонной весны .... Мы привѣтствуемъ первыхъ террористовъ, какъ лучшій изъ праздниковъ нашего возрожденія.“ Далѣе говорится: „И кто изъ образованныхъ русскихъ людей рѣшится сказать, что Сипягинъ наказанъ слишкомъ жестоко. Нѣтъ, онъ еще болѣе всякаго Боголѣпова заслуживаетъ самой суровой расправы. Ему мы обязаны самыми реакціонными мѣропріятіями послѣднихъ трехъ лѣтъ, его руками стянуты узлы новыхъ крѣпкихъ путъ, въ которыхъ безсильно бьется Россія.“ Наконецъ, авторъ, давая превратную окраску дѣятельности бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина, восклицаетъ: „съ его смертью свободнѣй вздохнетъ все пригнетенное имъ и благословитъ того отважнаго человѣка, рука котораго покарала всемогущаго Министра. Со смертью Сипягина дѣйствительно начнется новая эра“. По сличеніи упомянутой рукописи съ несомнѣннымъ почеркомъ Михаила Мельникова экспертъ пришелъ къ заключенію, что по безусловному и полному сходству почерковъ, рукопись написана Мельниковымъ.

Вышеприведенныя обстоятельства послужили основаніемъ къ привлеченію въ качествѣ обвиняемыхъ Григорія Гершуни, Михаила Мельникова, въ 1902 г. еще не розысканныхъ, а также и Людмилы

Ремянниковой. По обыскѣ у Ремянниковой, произведеннымъ въ ночь на 12-ое февраля 1903 г. въ квартирѣ ея, въ зданіи Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища, обнаружено значительное количество нелегальныхъ печатныхъ брошюръ, преимущественно изданій партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Такъ, между прочимъ: 1. 52 экземпляра „Ко всему русскому крестьянству отъ крестьянскаго союза партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ изд. 1902 г., съ обращеніемъ къ крестьянамъ отъ имени союза съ призывомъ къ ниспроверженію въ Россіи самодержавнаго образа правленія, для чего рекомендуется „соединиться въ тайныя братства“, 2. 11 экземпляровъ „Письмо героя-рабочаго къ товарищамъ и крестьянамъ“ изд. 1902 г., гдѣ въ примѣчаніи отъ редакціи сказано, что авторъ помѣщенныхъ въ брошюрѣ двухъ писемъ „герой рабочій“, стрѣлявшій 29-го іюля 1902 г. въ Харьковскаго губернатора по постановленію „Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ“, 3. 47 экземпляровъ „За вѣру, Царя и Отечество“, разсказъ Ивана Вольнаго, 4. брошюра „Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи“ съ возваніемъ о необходимости „въ такое боевое время, какъ наше“, всѣмъ обособленнымъ группамъ и организаціямъ сойтись подъ однимъ общимъ знаменемъ въ рядахъ одной боевой арміи революціоннаго соціализма, 5. 116 экземпляровъ журнала „Революціонная Россія“ съ оттискомъ печати „С.-Петербургскаго Комитета“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, 6. 558 экземпляровъ особыхъ приложеній за ноябрь 1902 г. къ „Революціонной Россіи“, содержащихъ каждое четыре страницы мелкаго печатнаго текста съ корреспонденціями изъ разныхъ городовъ Имперіи и революціонной хроникой, 7. 158 экземпляровъ „Террористическій элементъ въ нашей программѣ“, представляющей отдѣльный оттискъ номера 7-го „Революціонной Россіи“, въ концѣ котораго помѣщено „Письмо Степана Балмашева къ родителямъ“, 8. 394 экземпляра пояснаго портрета, отпечатаннаго съ фотографіи Фомы Качуры; надъ изображеніемъ Качуры напечатано: „партія соціалистовъ-революціонеровъ“, „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, а подъ портретомъ сказано: „Мы боремся за счастье народа, знаемъ, что пощады отъ Царя намъ ждать нечего и смерть намъ не страшна. Фома Качура.“ Кромѣ перечисленныхъ брошюръ были отобранны еще и нѣсколько другихъ подобнаго-же рода содержанія, а также наличныя деньги въ количествѣ 146 руб. 89 коп., словарь Рейфа и разныя клочки бумаги съ помѣщенными на нихъ условными знаками изъ буквъ и цифръ, означающими адреса нѣкоторыхъ лицъ. При самомъ обыскѣ, Людмила Ремянникова, по свидѣтельству присутствовавшихъ при этомъ лицъ, выказывала явное желаніе что-то скрыть и даже, улучивъ моментъ, хотѣла проглотить какіе-то клочки бумаги, что, однако, ей сдѣлать не удалось.

Допрошенная на дознаніи, Ремянникова, признавая себя виновною лишь въ храненіи найденныхъ у нея нелегальныхъ изданій и отрицая какую-бы то ни было принадлежность свою къ „Боевой Организаціи“, заявила, что если она и сдѣлала что-либо нелегальное, то только изъ сочувствія къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ вообще, а не къ „Боевой Организаціи“ и за симъ ни на какіе вопросы давать объясненій не пожелала, присовокупивъ лишь, что отобранные отъ нея 146 руб. принадлежатъ лично ей и составляютъ

сбереженіе отъ полученнаго ею содержанія въ размѣрѣ 25 руб. въ мѣсяцъ, по должности фельдшерицы.

Тѣмъ не менѣе, помимо приведенныхъ выше показаній обвиняемаго Григорьева и письма, отправленнаго въ Парижъ 5-го апрѣля 1902 года, участіе Ремянниковой въ дѣятельности „Боевой Организаціи“ устанавливается еще и показаніями нижеслѣдующихъ свидѣтелей:

Юлія Юрковская (сожительница обвиняемаго Григорьева), показала, что первое ея знакомство съ Ремянниковой произошло въ ея квартирѣ въ зданіи Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища по иниціативѣ Гершуни передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1902 года; какая цѣль была этого знакомства, Гершуни не высказывалъ, но впослѣдствіи для нея оказалось яснымъ, что это было сдѣлано для того, чтобы Гершуни могъ имѣть свѣдѣнія о Григорьевѣ; предлагая познакомиться съ Ремянниковой, Гершуни, между прочимъ, указалъ, что у нея, Ремянниковой, можно найти нелегальную литературу. Прійдя къ ней въ первый разъ, свидѣтельница застала тамъ уже и Гершуни; посидѣвъ очень не долго, она, Юрковская, ушла, оставивъ Ремянникову вдвоемъ съ Гершуни. Сколько она разъ посѣщала Ремянникову и по какимъ случаямъ, точно не помнитъ, сама же Ремянникова была на квартирѣ Григорьева раза три; первое посѣщеніе Ремянниковой, насколько припоминаетъ свидѣтельница, произошло послѣ ея съ ней знакомства и ей, Юрковской, неизвѣстно, приходила-ли въ мартѣ 1902 года къ нимъ на квартиру какая-то барышня съ сообщеніемъ, что „Федоръ Петровичъ“ (Гершуни) не можетъ зайти къ ожидавшему его Григорьеву. Лѣтомъ 1902 года въ отсутствіи ея и Григорьева, бывшихъ на Кавказѣ, Ремянникова, по ея словамъ, заходила къ нимъ на квартиру, а по пріѣздѣ ихъ осенью съ Кавказа, Ремянникова зашла опять и, заставъ только одну свидѣтельницу, спросила, не исполнитъ-ли Григорьевъ „теперь“ тотъ замыселъ, который не былъ выполненъ весною, говоря, что эти свѣдѣнія необходимы для Федора Петровича (Гершуни); на это она, Юрковская, отвѣтила за Григорьева отрицательно. Подробное же предложеніе Ремянникова сдѣлала ей и еще разъ, послѣ чего она, Юрковская, дала понять Ремянниковой, чтобы та окончательно оставила въ покоѣ Григорьева; былъ ли этотъ отказъ сдѣланъ съ вѣдома самого Григорьева или нѣтъ, того она сказать утвердительно не можетъ. Оба раза помянутыя предложенія, какъ видно изъ приложеннаго къ дѣлу заявленія Юрковской, сопровождались косыми взглядами Ремянниковой, въ которыхъ видѣлись скрытыя угрозы.

Далѣе свидѣтельскими показаніями смотрителя зданія Исидоровскаго епархіальнаго училища Орнатскаго, вахтера Миронова, сидѣлокъ крестьянки Муминой (прислуги Ремянниковой) и Болгайсъ, и надзирательницы Жудро въ общемъ устанавливается, что Людмила Ремянникова поступила на должность фельдшерицы училища въ февралѣ 1902 г., получая 27 руб. въ мѣсяцъ при готовомъ столѣ и квартирѣ. Къ ней на квартиру приходило много мужчинъ и женщинъ, но кто именно бывалъ у нея, свидѣтели указать не могутъ и только, по словамъ Жудро, она какъ будто встрѣчала въ корридорѣ двухъ лицъ, которыхъ узнаетъ на предъявленныхъ ей фото-

графическихъ карточкахъ, а именно: Гершуни и Мельникова, которые приходили къ ней не въ послѣднее время, а гораздо раньше. О матеріальномъ положеніи Ремянниковой свидѣтели опредѣленнаго ничего не знаютъ, но по показанію той-же надзирательницы Жудро, ей приходилось нерѣдко слышать отъ Ремянниковой, передъ 20-мъ числомъ, что денегъ у нея нѣтъ, въ виду чего, она, Жудро, сомнѣвается, чтобы Ремянникова могла скопить за время своей службы 150 рублей, тѣмъ болѣе, что Ремянникова въ своихъ расходахъ никогда себя не стѣсняла, ѣздила часто на извозчикахъ и бывала въ театрахъ, за что даже она, свидѣтельница, прозвала ее мотовкой; засимъ, чередуясь съ Ремянниковой дежурствомъ по лазарету, послѣдняя по неизвѣстной причинѣ пожелала, чтобы она, Жудро, дежурила въ четныя числа мѣсяца, а Ремянникова въ нечетныя и такого порядка Ремянникова придерживалась очень строго и ни разу ему не измѣняла.

Незадолго до обыска и ареста Людмилы Ремянниковой, а именно 26-го января 1903 г., въ Кіевѣ былъ задержанъ замѣченный наблюденіемъ и розыскиваемый дворянинъ Василевскій (онъ же Михаилъ Мельниковъ), проживавшій въ Кіевѣ и другихъ городахъ подъ чужимъ именемъ и по чужому паспорту. Задержанный назвалъ себя мѣщаниномъ Михаиломъ Завадскимъ, въ удостовѣреніе чего и предъявилъ соотвѣтственный паспортъ; при личномъ обыскѣ именовавшаго себя Завадскимъ было найдено въ числѣ прочихъ вещей: а) паспортная книжка, выданная изъ Копыльской мѣщанской управы 9-го декабря 1901 года мѣщанину Михаилу Завадскому съ видами Ялтинской полиціи 12-го августа 1902 г., пристава I-го стана Ялтинскаго уѣзда 17-го августа 1902 года и Печерскаго полицейскаго участка г. Кіева 4-го октября того же года, съ отмѣткою о проживаніи въ домѣ № 3 по Левандской улицѣ, б) чистая, незаполненная паспортная книжка, в) нелегальная газета „Искра“ № 31 отъ 1-го января 1903 г., г) два листка рукописи, черновика прокламаціи, начинающейся словами: „Товарищи, братья“ отъ 30-го декабря 1902 года, д) запечатанный сѣрый конвертъ, въ коемъ оказался листъ почтовой бумаги съ шифрованной записью, въ концѣ коей слова: „вспомните, какъ писали Вамъ два года тому назадъ“, е) портмоне съ 3 рублями 65 коп. и почтовыми марками и ж) кисетъ съ 65 рублями. Задержанный объяснилъ, что въ Кіевъ онъ пріѣхалъ изъ деревни Херсонской губ., назвать которую не желаетъ, куда въ свою очередь прибылъ съ южнаго берега Крыма; поименованные въ пунктахъ б, в, г и д предметы ему не принадлежатъ и какимъ образомъ они къ нему попали, объяснить возможнымъ не находитъ. По прибытіи по указанному въ паспортной книжкѣ адресу въ домѣ № 3 по Левандской улицѣ, выяснилось, что въ квартирѣ № 4, занимаемой женою Капитана Гоганидзе, одна комната была отдана въ наемъ Михаилу Завадскому, занимавшему ее уже около четырехъ мѣсяцевъ. По производствѣ обыска этой комнаты было обнаружено въ холщевомъ чемоданѣ 496 экземпляровъ книгъ и брошюръ преступнаго содержанія и въ другихъ мѣстахъ также значительное количество подобнаго же характера книгъ, брошюръ, рукописей и замѣтокъ. Подробный осмотръ отобранныхъ у Завадскаго (Мельникова) книгъ и предметовъ приведенъ въ составленномъ по сему поводу особомъ протоколѣ, который

заключаетъ въ себѣ сто пятьдесятъ четыре отдѣльныя рубрики.... Въ томъ числѣ встрѣчаются: а) „Голодъ и самодержавіе, или по чьей винѣ голодаетъ русскій народъ“, 1902 г. „Очередный вопросъ революціоннаго дѣла“, 1900 г. „Какъ Министръ заботился о крестьянахъ“, б) изданія партіи соціалистовъ-революціонеровъ и аграрно-соціалистической лиги: „За вѣру, Царя и отечество“ Ивана Вольнаго, 1902 года; „Царское правительство и рабочій народъ“, 1902 года; в) изданія партіи соціалистовъ-революціонеровъ: „Почему стрѣляли въ Харьковскаго Губернатора“ (146 экземпляровъ), 1902 года; „Ко всему русскому крестьянству отъ крестьянскаго союза партіи соціалистовъ-революціонеровъ“, 1902 г. — „За вѣру, Царя и отечество“ Вольнаго; по содержанію брошюра одинакова съ вышеприведенною, но только наружная обертка имѣетъ видъ, какъ бы разрѣшеннаго изданія; на первой страницѣ обертки напечатано: „Чтеніе для солдатъ. „Конвойный“, разсказъ Тхоржевскаго, изд. Березовскаго, а на второй страницѣ значится: „Дозволено цензурою 2 октября 1902 г. Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“; „Письма героя рабочаго къ товарищамъ креетьянамъ“, 1902 г.; нѣсколько экземпляровъ журнала „Революціонная Россія“; „Долой полицію“, брошюра имѣетъ обертку съ заголовкомъ: „Законы“; дешевое изданіе для народа. „1-го Мая, празднуйте 1-го Мая, товарищи“ — воззваніе, отпечатанное на красной бумагѣ; „Къ рекрутамъ-новобранцамъ“ съ печатью Екатеринославскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ; „Къ Обществу“ — воззваніе съ печатью Волынскаго комитета той-же партіи; „Горемыки благодатнаго острова“, означено: „Дозволено цензурою 2 марта 1902 г. СПБ. Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“.

Изъ отобранныхъ у Завадскаго (Мельникова) при его задержаніи и при обыскѣ его квартиры рукописей заслуживаютъ вниманія слѣдующія: а) Два экземпляра рукописи, начинающейся словами: „Съ Нижегородскимъ и Саратовскимъ приговорами вопросъ объ уличныхъ демонстраціяхъ вступаетъ въ новую фазу“, въ ней осуждаются дѣйствія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и его Товарища, Сенатора Дурново за то, что будто-бы обвинявшіяся въ производствѣ въ этихъ городахъ демонстрацій по ихъ иниціативѣ лица, были преданы суду мѣстныхъ судебныхъ палатъ, при чемъ одна изъ этихъ рукописей писана какъ-бы измѣненнымъ почеркомъ. Въ рукописяхъ, кромѣ того, излагается, что, „на ряду съ другими тайными и явными, мирными и террористическими формами борьбы противъ самодержавія и противъ произвола чиновниковъ, демонстраціи должны получить самое широкое распространеніе, ихъ слѣдуетъ устраивать повсемѣстно, какъ можно чаще и въ возможно большихъ размѣрахъ“, и что „это есть начало массовой борьбы противъ гнета самодержавія“, б) рукопись, написанная карандашемъ: „Товарищи. До сихъ поръ вы, парикмахеры, стояли далеко отъ рабочаго движенія“, затѣмъ доказывается, что и парикмахеры такіе же рабочіе, какъ и остальные, поставлены въ тяжелыя условія своими хозяевами и потому должны примкнуть къ общему рабочему революціонному движенію; тутъ-же приложено и письмо парикмахера, предназначенное, повидимому, къ напечатанію въ одномъ изъ революціонныхъ органовъ; в) рукопись, писанная частью перомъ, частью карандашемъ, озаглав-

ленная: „Ко всему крестьянству“, гдѣ доказывается цѣлесообразность совершенія покушенія на жизнь Харьковскаго Губернатора князя Оболенскаго крестьяниномъ Фомою Качурою, и что „Качура со своимъ дѣломъ и мыслями соціалистъ-революціонеръ и дѣйствовалъ онъ отъ имени всей нашей партіи“. „Мы, соціалисты-революціонеры — говоритъ авторъ — полагаемъ, что за такія преступленія, какъ тѣ, что совершилъ князь Оболенскій, должно назначаться самое тяжелое наказаніе.“ „Такъ поступила и наша партія соціалистовъ-революціонеровъ, приговоривъ Оболенскаго къ смертной казни.“ „Одинъ изъ нашихъ товарищей, Фома Качура, съ согласія остальныхъ, взялся цѣною собственной жизни совершить смертную казнь надъ Оболенскимъ.“ Заканчивая рукопись, авторъ называетъ Царя, Министровъ, Оболенскаго и всѣхъ прочихъ Губернаторовъ врагами народа и говоритъ: „Долой самодержавнаго Царя и чиновниковъ.“ „Пусть вся русская земля освободится отъ гнета чиновниковъ, пусть все наше правительство будетъ выборнымъ...“; г) рукопись, съ обращеніемъ: „Солдаты! Еще недавно вы были такими же людьми, какъ и всѣ остальные люди...“ и представляющая изъ себя возваніе къ солдатамъ, въ которомъ авторъ старается убѣдить ихъ, что они тоже крестьяне, какъ и тѣ, противъ коихъ правительство и начальство приказываетъ имъ дѣйствовать; д) рукопись, начинающаяся словами: „Во время коронаціи 22 мая 1883 г.“ съ обращеніемъ къ крестьянамъ, весьма возмутительнаго содержанія, въ которой авторъ старается въ ихъ глазахъ подорвать любовь ихъ къ Государю Императору и направить ихъ къ низверженію царской власти и е) рукопись „Осужденный рабочій“, въ которой превратно трактуется о мотивахъ, послужившихъ къ замѣнѣ смертной казни Фомѣ Качурѣ ссылкою въ каторжныя работы. По сличеніи вышеприведенныхъ рукописей съ почеркомъ Михаила Мельникова эксперты пришли къ слѣдующему заключенію: одинъ экземпляръ рукописи „съ Нижегородскимъ и Саратовскимъ приговорами“ (п. а), воззваніе „Товарищи! До сихъ поръ вы, парикмахеры“ (п. б) и рукопись „Во время коронаціи 22-го мая 1883 года“ по своему почерку имѣютъ полное и несомнѣнное сходство съ почеркомъ Мельникова. Рукопись „Ко всему крестьянству“, писана не Мельниковымъ, но всѣ замѣтки, сдѣланныя въ этой рукописи и послѣдняя карандашная страница писаны Мельниковымъ; рукопись: „Солдаты! Еще недавно вы были“ написана Мельниковымъ; затѣмъ не имѣютъ сходства съ почеркомъ Мельникова: паспортная книжка на имя Михаила Завадскаго, записки съ шифрованнымъ текстомъ, второй экземпляръ рукописи „Съ Нижегородскимъ и Саратовскимъ приговорами“ и рукопись „Осужденный рабочій“.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Селенгинскій мѣщанинъ Михаилъ Мельниковъ, отрицая принадлежность свою не только къ „Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ“, но и вообще къ какому бы то ни было тайному противозаконному сообществу, объяснилъ, что перейдя на нелегальное положеніе, занимался пропагандою идей соціализма въ рабочей средѣ, составляя отдѣльныя замѣтки иногда въ видѣ воззванія, по разнымъ вопросамъ, но воззваній этихъ не распространялъ, хотя и возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ переходили въ руки публики и, быть можетъ, даже издавались, помимо его желанія. Найденные при его задержаніи 26 ян-

варя компрометирующаго свойства предметы ему не принадлежатъ. Точно также ему не принадлежатъ всѣ отобранные у него при обыскѣ квартиры нелегальныя изданія печатныя и гектографированныя; не признаетъ также своими изъ перечисленныхъ выше рукописей: „Осужденный рабочій“, рукопись „о Нижегородскихъ и Саратовскихъ демонстраціяхъ“, рукопись „Ко всему крестьянству“ съ карандашными исправленіями. Другія же рукописи, ему принадлежащія, если онъ не ошибается, писаны его рукою. О томъ, отъ кого, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ на храненіе ему не принадлежащія вещи, онъ не находитъ возможнымъ давать какія-либо объясненія. Со времени перехода его на нелегальное положеніе въ началѣ 1900 года, разъѣзжалъ по разнымъ городамъ Россіи, а съ апрѣля того же года и до февраля 1902 года проживалъ въ городѣ Харьковѣ подъ именемъ Петра Василевскаго съ паспортомъ на это имя и служилъ при совѣтѣ съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи. Въ февралѣ уѣхалъ изъ Харькова и съ тѣхъ поръ до самаго пріѣзда въ Кіевъ жилъ въ различныхъ мѣстностяхъ, которыхъ назвать не можетъ. Въ Кіевъ прибылъ приблизительно 1-го октября 1902 года и проживалъ тамъ по паспорту на имя мѣщанина Михаила Завадскаго, но гдѣ пріобрѣлъ этотъ паспортъ, объяснить не находитъ возможнымъ. Въ 1902 года, а именно 3-го апрѣля, дѣйствительно, былъ въ городѣ Саратовѣ, пріѣхавъ туда безъ опредѣленной цѣли, но откуда — объяснить не желаетъ; съ нимъ тогда была небольшая ручная корзинка, въ которой помѣщались два узелка со шрифтомъ, нелегальной литературой и еще съ какими-то вещами, полученная имъ случайно для храненія не болѣе какъ за недѣлю до пріѣзда въ Саратовъ. При прибытіи въ Саратовъ, онъ почти цѣлый день бродилъ по городу, заходя только на постоялый дворъ, въ трактиръ и аптеку, и ни у кого въ квартирахъ не былъ; вообще, чувствуя себя тогда нервно-растроеннымъ, ему показалось, что еще съ желѣзной дороги его кто-то преслѣдуетъ съ намѣреніемъ задержать; эта манія преслѣдованія, вызванная тревожною жизнью на нелегальномъ положеніи, настолько обострилась къ вечеру 3-го апрѣля, что, замѣтивъ на улицѣ какъ будто все слѣдившаго за нимъ неизвѣстнаго человѣка, онъ, выпустивъ изъ рукъ узелки, схватилъ бывшій при немъ перочинный ножикъ и нанесъ нѣсколько ударовъ по головѣ этого человѣка, вцѣпившагося въ него руками; послѣ непродолжительной борьбы ему, Мельникову, удалось вырваться и, оставивъ на мѣстѣ узелки и свалившуюся съ головы шляпу, бѣжать изъ города и только къ утру добраться до какой-то желѣзнодорожной станціи, гдѣ, дождавшись приходящаго изъ Саратова поѣзда, уѣхать съ этимъ поѣздомъ, но куда, сказать не желаетъ. Въ Финляндіи и въ частности въ гор. Выборгѣ не только въ концѣ марта 1902 года, но и вообще никогда не бывалъ, при чемъ категорически заявляетъ, что со времени его отъѣзда въ маѣ 1899 года въ Сибирь, въ Петербургѣ не былъ ни разу. Григорія Гершуни, поручика Григорьева, Тимофѣя Бартошкина, Людмилы Ремянниковой и Стефана Балмашева, которыхъ фотографическія карточки были ему предъявлены, не только не знаетъ, но и никогда съ ними не встрѣчался; точно также подъ именемъ Ивана Кузнецова никогда и нигдѣ не проживалъ и никому такой фамиліей не назывался. Никакого участія въ обсужденіи по-

кушенія на жизнь Оберъ-Прокурора Св. Синода Побѣдоносцева ни съ кѣмъ не имѣлъ, равно какъ никакихъ вещей, а тѣмъ болѣе револьвера въ Минскъ не посылалъ и такого случая, чтобы въ чьей-либо квартирѣ произошелъ выстрѣлъ изъ револьвера, вовсе не было и вообще пистолета системы Броунинга въ своихъ рукахъ никогда не держалъ. Въ концѣ марта 1902 года онъ пріѣхалъ вечеромъ 27-го числа въ г. Кіевъ и остановился въ гостиницѣ Михайловскаго монастыря, кажется въ № 62, подъ именемъ крестьянина Петра Русакова и, хотя паспортъ тогда и не былъ явленъ въ полиціи, но полагаетъ, что въ домовой книгѣ гостиницы записанъ; изъ Кіева же уѣхалъ 29 или 30 марта, но куда прежде всего поѣхалъ, объяснить не считаетъ возможнымъ. Въ августѣ того же года одинъ день былъ (11 августа) въ Ялтѣ, а 12-го уѣхалъ въ Алушту, гдѣ находился до 25-го или 27-го, и потомъ путешествовалъ по южному берегу Крыма до 3-го сентября. Въ Крыму проживалъ по паспорту на имя Завадскаго вмѣстѣ съ одной женщиной по выданному паспорту на имя Екатерины Константиновичъ. Константиновичъ онъ зналъ еще въ 1897 году и она жила въ Харьковѣ зимою 1900—1901 года въ качествѣ его фактической жены и была прописана въ домѣ по Конторской улицѣ, какъ жена „Петра Василевскаго“ подъ своимъ настоящимъ именемъ Екатерины Николаевны. Относительно рукописи, написанной карандашемъ и начинающейся словами: „Бываютъ тяжелые дни, бываютъ тяжелые мрачные годы“ (отобранный у Мельникова въ гор. Саратовѣ 3-го апрѣля 1902 года) заявляетъ, что не помнитъ, чтобы когда-либо что-нибудь въ этомъ родѣ онъ писалъ и была ли она въ тѣхъ узелкахъ, которые остались въ Саратовѣ на улицѣ, не знаетъ.

При повѣркѣ объясненій обвиняемаго Мельникова обнаружено, что въ гор. Харьковѣ по Конторской улицѣ въ домѣ жены дворянина Карнѣевой въ 1901 году въ числѣ другихъ жильцовъ, проживалъ дворянинъ Петръ Василевскій, служащій въ съѣздѣ горнопромышленниковъ города Харькова по паспортной книжкѣ, оказавшейся подложною; прибылъ 6-го сентября 1901 г., а 11-го февраля 1902 г. скрылся неизвѣстно куда. Засимъ ранѣе въ 1900 году по той же Конторской улицѣ въ домѣ Зубаревой были прописаны дворянинъ Петръ Василевскій и при немъ жена Екатерина Николаевна. При предъявленіи служащимъ въ съѣздѣ горнопромышленниковъ города Харькова фотографической карточки Василевскаго (онъ же Мельниковъ) десять лицъ безусловно признали въ Мельниковѣ того Василевскаго, который служилъ у нихъ въ статистическомъ бюро съѣзда. Затѣмъ въ Кіевѣ въ домѣ № 3 по Левандовской улицѣ имѣется запись, что 3-го октября 1902 года прибылъ мѣщанинъ Михаилъ Завадскій по паспорту, выданному изъ Копыльской мѣщанской управы, и отмѣченъ выбывшимъ 27-го января 1903 года. Изъ показаній хозяйки квартиры Гоганидзе и прислуги ея Кожухаръ видно, что въ Мельниковѣ онѣ признаютъ того самаго Завадскаго, который снялъ комнату 3-го октября причемъ, занимая комнату, Мельниковъ просилъ приготовить еще одну кровать, въ виду предстоящаго пріѣзда его жены, но послѣдняя, однако, не пріѣхала.

Впослѣдствіи къ своимъ объясненіямъ Мельниковъ добавилъ, что съ начала апрѣля 1902 года до отъѣзда его въ августѣ въ Крымъ,

онъ проживалъ безъ прописки въ одномъ семействѣ, куда направили его знакомые тотчасъ послѣ „Саратовскаго происшествія“, но указать мѣстность, гдѣ онъ находился и лицъ, у которыхъ онъ жилъ въ тотъ періодъ времени, не желаетъ. Что же касается указаній Мельникова о нахожденіи его съ 27 по 30 марта 1902 года въ гостиницѣ Михайловскаго монастыря въ гор. Кіевѣ, идущихъ въ разрѣзъ съ приведенными выше показаніями Вильгельмины Карлсонъ, обвиняемаго Григорьева и другихъ лицъ о бытности Мельникова въ этотъ періодъ времени въ Петербургѣ, и 28-го марта въ гор. Выборгѣ, то произведенною въ семъ отношеніи провѣркою установлено слѣдующее: осмотромъ доставленныхъ администраціею Кіевскаго Михайловскаго монастыря книгъ выяснилось, что въ книгѣ для записи прихода и расхода денежныхъ суммъ при монастырскомъ странно-пріемномъ домѣ, въ отдѣлѣ прихода отъ суточныхъ жильцовъ, значится „апрѣль (какого числа не отмѣчено) № 62, Петръ Русаковъ за трое сутокъ 1 рубль 50 коп. и за пять самоваровъ 50 коп.“ Въ книгѣ, не имѣющей никакого заглавія, но называемой „памятной“ за 28 марта 1903 года, записано „№ 62, Русаковъ Петръ“, при чемъ вся книга писана чернилами, а имя „Петръ“ краснымъ карандашемъ. Спрошенные по сему поводу свидѣтели: запасный писарь Плотниковъ, мѣщанинъ Федоренко, крестьянинъ Ляховъ, показали: первый, что, состоя въ должности конторщика помянутаго дома, онъ ведетъ подворную книгу для записи паспортовъ, доставляемыхъ смотрителямъ дома отъ прибывшихъ въ домъ постояльцевъ и приходо-расходную книгу. Запись въ послѣднюю книгу о пребываніи Русакова трое сутокъ сдѣлана рукою смотрителя Іеромонаха Сергія, а въ „памяткѣ“ старшимъ номернымъ Осинцовымъ, самъ Плотниковъ въ лицо постояльцевъ не видитъ и не можетъ сказать, похожъ ли былъ Русаковъ на Мельникова.

Въ подворной книгѣ фамилія Русакова не значилась; Ляховъ и Федоренко, корридорные №№ 57 по 73 объяснили, что личность Русакова они хорошо не помнятъ, а по предъявленіи 10 фотографическихъ карточекъ Мельникова, Федоренко заявилъ, что лицо это для него представляется совершенно незнакомымъ.

Въ объясненіе исчезновенія Мельникова въ первой половинѣ февраля 1902 года изъ гор. Харькова въ дѣлѣ есть свѣдѣнія, что Мельниковъ былъ замѣченъ въ распространеніи брошюръ и прокламацій преступнаго содержанія отъ имени партіи соціалистовъ-революціонеровъ, вслѣдствіе чего Василевскій, онъ же Мельниковъ, былъ привлеченъ къ дознанію съ постановленіемъ о производствѣ у него обыска и ареста; обыскъ этотъ былъ произведенъ въ ночь на 9-е февраля 1902 года, результатомъ коего было обнаруженіе значительнаго количества нелегальныхъ изданій, прокламацій, брошюръ и рукописей, при чемъ однако еще до производства обыска самъ Мельниковъ (Василевскій) 8-го февраля скрылся.

Далѣе по поводу случая происшедшаго выстрѣла изъ пистолета системы Броунинга, въ квартирѣ Григорьева, помимо показаній обвиняемаго Григорьева и Юліи Юрковской, протоколомъ осмотра комнаты Григорьева установлено, что на высотѣ полутора аршина отъ пола въ штукатуркѣ стѣны у косяка двери, ведущей въ сосѣднюю комнату, находится отверстіе, залѣпленное кускомъ хлѣбнаго мякиша;

по расширеніи этого отверстія и снятіи дверного наличника, на глубинѣ одного вершка дѣйствительно, извлечена пуля, повидимому, отъ пистолета системы Броунинга.

Переходя за симъ къ разсмотрѣнію террористическихъ дѣйствій „Боевой Организаціи“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, выразившихся въ покушеніи на жизнь Харьковскаго Губернатора князя Оболенскаго, показаніями Фомы Качуры устанавливаются слѣдующія обстоятельства: отбывая наказаніе, Фома Качура 15 Іюля 1903 года подалъ заявленіе о своемъ раскаяніи въ совершенномъ преступленіи и желаніи высказать правду о причинахъ, побудившихъ его къ сему злодѣянію. На произведенномъ въ виду сего допросѣ, Фома Качура показалъ: въ апрѣлѣ 1901 г. въ г. Екатеринославѣ, гдѣ проживалъ тогда онъ, Качура, въ качествѣ рабочаго, была устроена, на Екатеринославскомъ проспектѣ, рабочими, главнымъ образомъ, евреями, демонстрація по поводу майскаго рабочаго праздника; во время этихъ безпорядковъ онъ, Качура, не принимая въ нихъ участіе, былъ на улицѣ и тутъ случайно разговорился съ однимъ евреемъ, оказавшимся впослѣдствіи Арономъ Вейценфельдомъ, о происходившихъ безпорядкахъ, и вообще о положеніи рабочаго класса, причемъ Вейценфельдъ выразилъ желаніе познакомиться съ нимъ поближе и чаще встрѣчаться. Начиная уже съ третьей встрѣчи, Вейценфельдъ сталъ давать ему для прочтенія разныя нелегальныя изданія, преимущественно партіи соціалистовъ-революціонеровъ, и между прочимъ „Революціонную Россію“, „Историческія письма Миртова“, „Кто чѣмъ живетъ“, „Искру“, „Подпольную Россію“, „Летучіе листки“ еврейскаго союза, брошюру „Свобода“, чтобы познакомиться съ программой „Партіи политическаго освобожденія Россіи“ и отдѣльной группой ея — „Боевой Дружиной“. Тогда же Вейценфельдъ сообщилъ ему о принадлежности его къ „Партіи политическаго освобожденія Россіи“, соединившейся, по его словамъ, съ партіей соціалистовъ-революціонеровъ и познакомилъ „со своими единомышленниками евреями подъ именемъ „Зимона“, Гришки“ и „Софьи“. Послѣ прочтенія брошюръ у него съ Вейценфельдомъ велись разговоры о террорѣ, во время которыхъ Вейценфельдъ доказывалъ необходимость террористической борьбы съ правительствомъ. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ и прочитанной подпольной литературы у него, Качуры, создалось представленіе, что будто въ революціонерахъ онъ нашелъ истинныхъ друзей и что терроръ есть справедливое средство борьбы, о чемъ онъ и высказывался однажды Вейценфельду, выразивъ ему желаніе примкнуть къ „Боевой Организаціи“ и принять непосредственное участіе въ террористическихъ дѣйствіяхъ. На это Вейценфельдъ заявилъ ему, что онъ самъ не принадлежитъ къ этой организаціи, но ему извѣстно, что центръ ея находится заграницей, а отдѣленія въ Кіевѣ и Петербургѣ, и что онъ можетъ указать принадлежащихъ къ ней лицъ въ гор. Кіевѣ. Въ февралѣ 1902 г. онъ, Качура, рѣшилъ поѣхать въ Кіевъ, чтобы вступить въ сношенія съ представителями „Боевой Организаціи“, и для этой именно цѣли Вейценфельдъ далъ ему адресъ нѣкоего студента медика Попова, квартировавшаго съ какой-то бабушкой, бывшей въ родѣ кассирши „Боевой Организаціи“, наказавъ сказать, что къ Попову онъ, Качура, прибылъ отъ Арона Вейценфельда. Пріѣхавъ 10 февраля въ Кіевъ на деньги

(15 рублей), данныя Вейценфельдомъ, онъ, Качура, однако по указанному адресу Попова не нашелъ, такъ какъ по объясненію дворника Поповъ и „бабушка“ нѣсколько дней передъ этимъ переѣхали въ Нѣжинъ; объ этомъ онъ тогда же написалъ Вейценфельду въ Екатеринославъ и, не получая отвѣта отъ Вейценфельда, остался въ Кіевѣ и пріискалъ тамъ работу въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ познакомился съ нѣкоторыми рабочими, преимущественно евреями, принадлежавшими, какъ оказалось, къ Кіевскому кружку соціалистовъ-революціонеровъ. 20 или 21 апрѣля 1902 г. онъ и еще нѣсколько изъ помянутыхъ рабочихъ были арестованы, а 20 мая того же года онъ, Качура, былъ выпущенъ изъ-подъ стражи и, оставаясь въ Кіевѣ, сталъ вновь заниматься въ мебельной мастерской. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ освобожденія, къ нему явился Вейценфельдъ и сообщилъ, что его „розыскивали“ и что для знакомства съ членами „Боевой Организаціи“ онъ можетъ увидѣться съ однимъ изъ ея членовъ или въ Екатеринославѣ, или въ Кіевѣ и на случай поѣздки его въ Екатеринославъ Вейценфельдъ далъ ему 5 рублей. Отправившись по указанному адресу въ Кіевъ, согласно назначенному Вейценфельдомъ времени, онъ, Качура, встрѣтился въ квартирѣ съ неизвѣстнымъ ему интеллигентнымъ господиномъ, обратившимся съ вопросомъ: „Вы Файвль?“ (подъ этимъ именемъ Качура былъ извѣстенъ Кіевскимъ членамъ партіи). На утвердительный отвѣтъ неизвѣстный спросилъ его по поводу желанія вступить въ „Боевую Организацію“, а послѣ выраженнаго согласія добавилъ, что познакомитъ его съ членомъ этой организаціи, для чего на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра ему, Качурѣ, нужно было явиться на Бибиковскій бульваръ и въ концѣ его обратиться къ господину, сидящему на скамейкѣ и держащему въ рукахъ бѣлый платокъ, съ вопросомъ: „который часъ?“ и, получивъ въ отвѣтъ „пора обѣдать“, вручить ему переданную при этомъ дощечку. Придя въ указанное время на мѣсто и обмѣнявшись условными словами, онъ, Качура, передалъ господину дощечку, которую тотъ примѣрилъ къ такой же, бывшей у него въ карманѣ, и, убѣдившись въ ихъ тождествѣ, спряталъ обѣ въ карманъ. Господина этого, при предъявленіи фотографической карточки, онъ признаетъ положительно за Григорія Гершуни. Съ Гершуни онъ тотчасъ отправился въ Святошинскій лѣсъ, гдѣ, одобривъ рѣшеніе вступить въ ряды „Боевой Организаціи“, Гершуни предложилъ ему устроить конспиративную квартиру, давъ на это 50 рублей. Второе свиданіе съ Гершуни состоялось на другой день въ томъ же лѣсу, и тогда Гершуни сообщилъ, что вечеромъ получилъ извѣстіе о постановленіи „Боевой Организаціи“ убить Харьковскаго Губернатора князя Оболенскаго за насильственныя дѣйствія послѣдняго надъ крестьянами, и что Гершуни поручено предложить ему, Качурѣ, исполненіе этого приговора. Видя колебаніе его, Качуры, въ виду незнанія имъ подробностей дѣйствій князя Оболенскаго, Гершуни въ сильныхъ выраженіяхъ началъ описывать жестокость и несправедливость этого Губернатора, доказывая, что князь Оболенскій является вреднымъ представителемъ правительства. Рѣчи Гершуни сильно его подбодрили, и онъ согласился; послѣ чего Гершуни, давъ еще 50 рублей, поручилъ отправиться въ Харьковъ и встрѣтиться на вокзалѣ съ какою-то личностью, принадлежавшею къ

составу „Развѣдочнаго бюро“, и принявшаго на себя выслѣживаніе жертвъ „Боевой Организаціи“. По указанію этой личности онъ, Качура, долженъ былъ бы ѣхать въ Петербургъ и получить тамъ „приговоръ надъ княземъ Оболенскимъ“, оружіе и платье. Отъѣздъ въ Харьковъ, по соглашенію съ Гершуни, былъ назначенъ на 23 іюля; пріѣхавъ въ Харьковъ 24-го числа, помянутой личности онъ, Качура, не нашелъ, но выйдя на площадь, встрѣтился съ Гершуни, заявившимъ, что ѣхать въ Петербургъ нѣтъ надобности, такъ какъ оттуда присланъ членъ организаціи и „развѣдочнымъ бюро“ сдѣлано все нужное и что остается только купить оружіе и платье; тутъ же Гершуни далъ еще 30 рублей на покупку револьвера системы Броунинга и 50 патроновъ, поручивъ, въ случаѣ требованія удостовѣренія, сказать, что необходимо сдѣлать заказъ на покупку нѣсколькихъ ружей для отсылки въ деревню. Явившись въ охотничій магазинъ и обѣщавъ большой заказъ, онъ, Качура, безъ затрудненія получилъ револьверъ и 50 патроновъ, которые и отдалъ поджидавшему на улицѣ Гершуни. 26 іюля онъ имѣлъ свиданіе съ Гершуни близъ станціи „Дергачи“, гдѣ Гершуни заявилъ, что онъ, Качура, долженъ написать письмо въ объясненіе предстоявшаго убійства князя Оболенскаго, настаивая и доказывая, что народъ и рабочіе должны знать о побужденіяхъ, которыми онъ руководствовался. Когда онъ, Качура, послѣ колебаній согласился на это, то Гершуни, доставъ изъ кармана бумагу, чернильницу и перо, сталъ диктовать отъ его, Качуры, имени письмо, прося писать по возможности четко, чтобы его, Качуры, рукопись можно было потомъ размножить (аналогичное предложеніе Гершуни, какъ приведено выше, было сдѣлано и обвиняемому Григорьеву). Объяснивъ затѣмъ, что приговоръ „Боевой Организаціи“ будетъ готовъ 28-го іюля и что на револьверѣ будетъ сдѣлана надпись „за пролитую крестьянскую кровь“, „смерть царскому палачу“ и пули будутъ отравлены, они возвратились въ Харьковъ, гдѣ у присутственныхъ мѣстъ онъ, Качура, замѣтилъ, что къ Гершуни присоединился какой-то господинъ лѣтъ 35, высокаго роста съ большой черной бородой. 28-го іюля, встрѣтясь опять въ лѣсу за станціей „Дергачи“, Гершуни сообщилъ ему, Качурѣ, что князь Оболенскій пріѣхалъ въ городъ со станціи „Веселая Лопань“ и что онъ, Качура, можетъ совершить покушеніе въ одномъ изъ садовъ, гдѣ князь бывалъ въ театрахъ или же при встрѣчѣ на улицѣ и, вручая приговоръ „Боевой Организаціи“ съ заряженнымъ револьверомъ, въ которомъ, по словамъ Гершуни, первыя шесть пуль были отравлены, совѣтовалъ ему постараться попасть первой пулей, такъ какъ она содержала больше яду. Затѣмъ они, зарядивъ револьверъ запаснымъ магазиномъ, пошли попробовать револьверъ, стрѣляя въ дерево, которое, несмотря на его пятивершковую толщину, пули пробили насквозь; такая сила боя привела его, Качуру, въ смущеніе, а Гершуни въ восторгъ. Разставаясь, Гершуни отобралъ отъ него всѣ лишнія вещи, а также автобіографію и квитанцію на корзину, хранившуюся на вокзалѣ. Въ этотъ день и на слѣдующій онъ, Качура, имѣлъ возможность привести въ исполненіе задуманный планъ, но оба раза у него не хватало рѣшимости; наконецъ, вечеромъ 29 іюля онъ отправился въ садъ „Тиволи“, надѣясь встрѣтить тамъ князя Оболенскаго, и въ то же время думая, что, быть можетъ, и на этотъ

разъ не будетъ случая для покушенія. Однако, онъ въ саду столкнулся съ Гершуни, повидимому, за нимъ слѣдившимъ. Сѣвъ съ нимъ на скамейку, Гершуни сообщилъ, что князь Оболенскій находится въ театрѣ сада, и что данная минута представляется наиболѣе удобной для убійства, которое должно быть совершено „теперь или никогда“. Онъ, Качура, хотѣлъ было закурить, но Гершуни вырвалъ у него портсигаръ и папиросы, а въ этотъ моментъ какъ разъ показался и князь Оболенскій, выходившій изъ театра подъ руку съ какой-то дамой и направлявшійся въ ту сторону, гдѣ сидѣли онъ и Гершуни; послѣдній куда-то исчезъ, а князь Оболенскій, не доходя до него, Качуры, повернулъ назадъ. Пройдя вслѣдъ за княземъ и вынувъ револьверъ, онъ, Качура, не желая стрѣлять сзади, сталъ выжидать момента, когда князь повернется къ нему лицомъ; такой моментъ наступилъ около театра, гдѣ Губернаторъ остановился въ шести шагахъ отъ него, Качуры, а такъ какъ въ это время между ними появился какой-то господинъ, то, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ вправо и цѣлясь князю въ шею, онъ произвелъ выстрѣлъ. Тутъ его, Качуру, схватилъ кто-то за плечи, а околодочный повалилъ на землю; завязалась борьба, во время которой, не выпуская изъ рукъ револьвера, было уже случайно произведено еще нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ былъ раненъ и харьковскій полиціймейстеръ. Ни фамиліи, ни адреса Гершуни онъ, Качура, не зналъ, такъ какъ объ этомъ самъ Гершуни никогда не говорилъ, а видѣлся съ нимъ только въ лѣсахъ, или на улицѣ. Гершуни, какъ объясняетъ Качура въ своемъ заявленіи, послѣ нѣсколькихъ свиданій въ Кіевѣ, на бульварѣ, въ лѣсу и на улицѣ, настолько подчинилъ его своей волѣ, что онъ сталъ слѣпо вѣрить, что убійство князя Оболенскаго есть заслуга передъ обществомъ, тѣмъ не менѣе, обдумывая свой шагъ, онъ, навѣрное, не пошелъ бы на преступленіе, если бы только не встрѣтилъ опять въ г. Харьковѣ Гершуни, который и настоялъ на его совершеніи.

Изложенныя показанія Фомы Качуры нашли себѣ въ общемъ подтвержденіе и въ обстоятельствахъ произведеннаго разслѣдованія по поводу означеннаго покушенія 29-го іюля. Такъ, показаніями свидѣтелей Шпиглова и Дудулата установлено, что Качура въ означенный вечеръ былъ въ саду „Тиволи“, дѣйствительно, въ обществѣ не только одного, но и двухъ неизвѣстныхъ мужчинъ и одной женщины лѣтъ 25; нѣсколько ранѣе, именно 27 іюля, какая-то женщина дала посыльному Поддубку письмо для передачи Губернатору, приглашавшее Губернатора на свиданіе въ закрытый театръ „Тиволи“; письмо было надушено духами, имѣвшими одинаковый запахъ съ духами, оставшимися въ той комнатѣ гостинницы, гдѣ останавливался Качура. Въ боковомъ карманѣ пальто оказался конвертъ большого формата, съ надписью на пишущей машинѣ: „приговоръ Харьковскому Губернатору Князю Оболенскому“, „Боевая Организація партіи соціалистовъ революціонеровъ“ и оттискъ печати краснаго цвѣта той же партіи; въ конвертъ былъ вложенъ приведенный выше приговоръ отъ имени боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Далѣе, изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что Качура дѣйствительно 30 апрѣля 1902 г. былъ арестованъ въ г. Кіевѣ, по обвиненію его въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 13, 251, 252 ст.

Улож. о наказ., а въ маѣ освобожденъ изъ подъ стражи и отданъ подъ особый надзоръ полиціи г. Кіева; точно также данными разслѣдованія установлено, что 24 іюля въ Харьковскомъ вокзалѣ была сдана подъ квитанцію корзинка, и, какъ не взятая обратно, спустя 10 мѣсяцевъ, была продана съ аукціоннаго торга; въ ней оказалось только нѣсколько бѣлья, — Качура въ номерахъ гостинницы останавливался безъ всякаго багажа. Независимо сего, показаніемъ обвиняемаго Григорьева, даннымъ еще гораздо ранѣе вышеприведеннаго показанія Качуры, подтверждается указаніе послѣдняго на существованіе въ Кіевѣ такъ называемой „бабушки“, о которой упоминалъ Качурѣ Вейценфельдъ. По словамъ Григорьева, въ январѣ 1902 года неожиданно къ нему въ Петербургъ явился Бартошкинъ, заявившій, что онъ только что выпущенъ изъ дома предварительнаго заключенія, гдѣ содержался по подозрѣнію въ политической неблагонадежности; разсказывая о своемъ времени препровожденія подъ стражей, Бартошкинъ говорилъ, что главнымъ занятіемъ его было писаніе писемъ и, между прочимъ упомянулъ о „бабушкѣ“, которой онъ въ письмахъ просилъ передать поклоны отъ „внучка“. На вопросъ Григорьева, кто такая эта „бабушка“, Бартошкинъ пояснилъ, что въ революціонной средѣ бабушкой называютъ нѣкую Брешко-Брешковскую, которая въ данный моментъ живетъ въ Минскѣ, но нѣкогда принадлежала къ партіи „Народной Воли“.

Привлеченный въ виду показанія Качуры, въ качествѣ обвиняемаго въ принадлежности къ „Боевой Организаціи“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и въ подстрекательствѣ Фомы Качуры къ совершенію террористическихъ дѣйствій, Житомірскій мѣщанинъ Аронъ Вейценфельдъ отказался отъ всякихъ объясненій, равно какъ и отъ подписи протокола, составленнаго по сему поводу.

Затѣмъ слѣдующій террористическій актъ „Боевой организаціи“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ проявился въ убійствѣ Уфимскаго Губернатора Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Богдановича. 6-го мая 1903 года въ городѣ Уфѣ въ городскомъ саду Уфимскій Губернаторъ Богдановичъ палъ жертвою нѣсколькихъ выстрѣловъ, произведенныхъ неизвѣстными злоумышленниками, успѣвшими скрыться. На мѣстѣ совершенія убійства былъ поднятъ „Приговоръ Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ такого содержанія: „Боевая Организація соціалистовъ-революціонеровъ, выполняя лежащій на ней гражданскій долгъ, считаетъ себя вынужденной приговорить виновника звѣрскихъ расправъ надъ Златоустовскими рабочими Уфимскаго Губернатора Н. М. Богдановича къ смерти. Приговоръ привести въ исполненіе поручается членамъ „Боевой Организаціи“ 27 марта 1903 года, С.-Петербургъ.“ Спустя недѣлю, а именно 13 мая, въ Кіевѣ, на станціи „Лебедь“ городской желѣзной дороги, по указанію агентовъ, былъ задержанъ давно розыскиваемый обвиняемый Григорій Гершуни. При задержаніи у него было найдено нѣсколько рукописей разнаго рода, прокламацій и воззваній, деньги въ суммѣ 614 руб. 73 коп., а также банковый билетъ въ 500 франковъ и почтовыя марки. При осмотрѣ отобранныхъ у Гершуни рукописей оказалось слѣдующее: 1. написанный карандашемъ на четвертушкѣ бѣлой писчей бумаги неоконченный, повидимому, черновикъ прокламаціи такого содержанія: „Просятъ переиздавать.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.“ „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.“ „Ко всей сознательной и трудовой Россіи.“ „Свершилось то, что трепетно ожидалось всѣми.“ „Свершилось то, что свершиться должно было. По постановленію Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-революціонеровъ 6-го мая въ г. Уфѣ убитъ виновникъ злодѣйской расправы надъ Златоустовскими рабочими Уфимскій Губернаторъ Н. М. Богдановичъ. Убитъ среди бѣлаго дня въ городскомъ паркѣ, на глазахъ многочисленной публики девятью пулями революціонеровъ, членовъ Боевой Организаціи нашей партіи. Самоотверженно и геройски выполнивъ принятую на себя святую миссію, сразивъ палача народа, борцы нанесли царской власти второй не менѣе тяжелый ударъ, вырвались изъ ея рукъ и благополучно скрылись. Привѣтъ вамъ, отважные борцы, отъ Партіи, радостно принимающей васъ, ушедшихъ отъ висѣлицы снова въ свои ряды. Радость партіи раздѣлятъ всѣ, кому дорого дѣло русской революціи.“ Засимъ описывается картина усмиренія Златоустовскихъ рабочихъ и оканчивается словами: „Зяглянемъ въ душу“; 2. черновикъ, написанный тѣмъ же почеркомъ, синимъ карандашемъ, на первыхъ двухъ страницахъ листа почтовой бумаги малаго формата, начинающейся: „Шестое мая надолго останется памятнымъ уфимцамъ. Въ этотъ день царская власть справляла свой праздникъ,“ и затѣмъ послѣ описанія церковнаго парада продолжается такъ: „въ 12 часовъ царская власть въ Уфѣ торжествовала. Иронія судьбы. Минуты счастливаго представителя Царя уже были сочтены. Въ 4 часа дня на глазахъ многочисленной публики къ ногамъ Губернатора бросается пакетъ, а вслѣдъ одинъ за другимъ гремятъ 6 (или 5) выстрѣловъ. Губернаторъ пластомъ валится на землю. Имѣя въ виду случаи, когда царевы слуги падали не отъ пронизавшей ихъ пули, а отъ страху, стрѣлявшій направляетъ послѣднюю пулю палачу въ сердце. Выполнивъ свое дѣло, стрѣлявшій членъ Б. О. скрывается. Большинство бывшихъ по близости бѣжитъ въ сторону, за скрывшимся бросаются нѣсколько человѣкъ, но, очевидно, видъ революціонера, пригрозившаго преслѣдователямъ кинжаломъ и револьверомъ, былъ достаточно внушительнымъ, погоня на нѣсколько моментовъ отстала...“ (Въ текстѣ этого черновика имѣются въ нѣсколькихъ мѣстахъ редакціонныя поправки, сдѣланныя тѣмъ же почеркомъ и синимъ карандашемъ на четвертушкѣ сѣрой бумаги: „Замѣченный толпой товарищъ, воспользовавшись этимъ моментомъ, скрылся и какъ въ воду канулъ. Посланная вслѣдъ погоня изъ городовыхъ, солдатъ и казаковъ рыскала до вечера, слѣды утеряны.“ Засимъ, описавъ тщетные розыски бѣжавшаго и произведенное событіемъ 6 мая на населеніе города впечатлѣніе, авторъ говоритъ: „Силѣ впечатлѣнія, главнымъ образомъ въ средѣ простонародья, способствовало то, что мотивы убійства сейчасъ же стали извѣстны и администраціи не удалось освѣтить по своему злодѣйскій проступокъ. Брошенный Губернатору пакетъ былъ тутъ же на мѣстѣ кѣмъ-то вскрытъ, прочитанъ и стоустая молва содержаніе его разнесла по всему городу. Въ пакетѣ былъ приговоръ: „Выполняя лежащій на ней гражданскій долгъ, Боевая Организація партіи соціалистовъ-революціонеровъ считаетъ себя вынужденной приговорить виновника звѣрской расправы надъ Златоустовскими рабочими Уфимскаго Губернатора Н. М. Богдановича

къ смерти. Выполненіе приговора поручается членамъ Б. О. С.-Петербургъ, 27 марта 1903 года.“ „Настроеніе приподнятое; у всѣхъ, понимавшихъ и чувствовавшихъ значеніе Златоустовскихъ звѣрствъ, вырвался вздохъ облегченія „Слава Богу, не прошло значитъ, даромъ то“ слышится въ самыхъ различныхъ кругахъ. Растерянность властей такая, что не рѣшаются даже пока сообщить въ газетѣ. Когда мы пишемъ эти строки, 6-го вечеромъ, скрывшійся находится въ безопасномъ мѣстѣ, хотя опасность еще не миновала. Уфа городъ маленькій, пути сообщенія скверныя и выбраться отсюда очень трудно.“ Этимъ заканчивается вся прокламація. (З.? Ред.) 4. Воззваніе, написанное печатными буквами синимъ карандашемъ, на полулистѣ почтовой бумаги малаго формата; нѣкоторыя фразы написаны синими и обыкновенными чернилами съ поправками стершихся словъ обыкновеннымъ карандашемъ и синими чернилами; въ воззваніи говорится слѣдующее: „Просятъ переиздавать.“ Боевая Организація „Ко всѣмъ гражданамъ Россіи. По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ.“ „За попранныя права свои стали Златоустовскіе рабочіе.“ „За правду и справедливость возстали они, требуя, чтобы они были возстановлены.“ Далѣе послѣ описанія въ мрачныхъ краскахъ принятыхъ Уфимскимъ Губернаторомъ мѣръ къ подавленію возстанія, говорится: „Честно выполняя дѣло, мы призываемъ къ суду слугу Царя и народа. Объявляемъ всѣмъ гражданамъ Россіи.“ „По постановленію Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ виновникъ звѣрской расправы надъ Златоустовскими рабочими Уфимскій Губернаторъ убитъ членами организаціи, мая.“ Вся эта приведенная часть прокламаціи въ черновикѣ перечеркнута лиловыми чернилами и вмѣсто нея окончаніе написано въ такой нѣсколько измѣненной формѣ: „Честно выполняя народное дѣло, мы призываемъ къ суду слугу Царя и палача народа. Объявляемъ всѣмъ гражданамъ Россіи: Уфимскій Губернаторъ Н. М. Богдановичъ по постановленію Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ убитъ 6-го мая членами ея за звѣрскую расправу надъ Златоустовскими рабочими. Выполнители приговора скрылись и до сихъ поръ не розысканы. 7-го мая 1903 года. Требованія Б. О. П. С. Р. Типографія партіи С. Р.“ 5. Два листа формата почтовой бумаги, большого размѣра тонкой восковой прозрачной бумаги, на одной сторонѣ каждаго изъ нихъ оттиснутъ синимъ химическимъ карандашемъ, по всему вѣроятію, черезъ такъ называемую копировальную бумагу, рукописный текстъ воззванія: „Ко всей сознательной и трудовой Россіи.“ Начало этого воззванія (писаннаго печатными буквами), до словъ „Заглянемъ въ душу“ включительно, тождественно съ содержаніемъ упомянутой выше въ пунктѣ первомъ прокламаціи „Свершилось то, что трепетно ожидалось всѣми“, только слово „трепетно“ замѣнено словомъ „тревожно“. Далѣе же (чего не было въ первой прокламаціи) говорится слѣдующее: „Мрачно и уныло стоятъ тысячи рабочихъ за своими станками. Въ головѣ хаосъ, въ душѣ отчаяніе. И мысли, и чувства все точно вихремъ разметало. Не рабочіе — живые мертвецы стоятъ за станками.“ За симъ рисуется картина отчаянія рабочихъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, ожидающихъ наказанія и покинутыхъ своими братьями и въ отвѣтъ на это приводится: „Нѣтъ товарищи, вы не одни. Насъ не сдвинутъ съ нашего пути ни партійные догма-

тики, ни резонеры. Мы, какъ и вы, чувствовали и сознавали, что не отвѣтить насильникамъ, значитъ отдать имъ на растерзаніе рабочій народъ. И если никакихъ способовъ достойнаго отвѣта нѣтъ, то ... (точки въ подлинникѣ). Нѣтъ, товарищи, вы не одни. Смотрите: вашъ палачъ, осыпанный милостями Царя, лежитъ въ грязи, пронизанный пулями революціонеровъ.... Такъ отвѣтила Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ на звѣрства и насилія въ Златоустѣ. Но помните, товарищи, не Н. М. Богдановичъ убитъ по приговору Боевой Организаціи. Его мы не знаемъ и до него намъ нѣтъ дѣла. Передъ нами былъ представитель самодержавной власти, проявившій эту власть во всемъ ея безобразномъ величіи Передъ нами былъ представитель самодержавной власти, совершившій въ лицѣ вашихъ погибшихъ товарищей жестокое насиліе надъ трудовымъ борящимся за свое освобожденіе народомъ. И нашъ отвѣтный ударъ въ лицѣ Уфимскаго Губернатора нанесенъ этой самодержавной власти.“ Заканчивая воззваніе, авторъ восклицаетъ: „Впередъ же, товарищи, за великое дѣло освобожденія Россіи отъ гнета и безправія, за всеобщую свободу, равенство и братство. Смѣлѣй въ борьбу съ царскимъ произволомъ и насиліемъ. И всякій на своемъ мѣстѣ. Каждый на своемъ посту. Революціонная книга, живое слово, уличная демонстрація и револьверъ въ рукахъ отдѣльныхъ борцовъ, все одинаково необходимо, все одинаково почтенно, если все бьетъ въ одно мѣсто, въ мрачную стѣну царскаго самодержавія. Да здравствуетъ политическая свобода. Да здравствуетъ борющаяся трудовая Россія. Да здравствуетъ соціализмъ.“ 6. Кусочекъ бумаги, вырванный изъ какого-то печатнаго листка; на одной сторонѣ этого кусочка напечатано курсивомъ: „Мы требуемъ немедленно прекращенія производства по всѣмъ дѣламъ политическаго характера и освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Мы требуемъ немедленной отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ и правилъ, національныхъ и сословныхъ ограниченій и изъятій, свободы собраній, печати и слова. Мы требуемъ созыва всенароднаго Земскаго Собора.“ На другой сторонѣ этого кусочка безъ печатнаго текста, написано обыкновеннымъ карандашемъ: „Прибавить въ концѣ прокламаціи Боевой Организаціи“.

По сличеніи всѣхъ перечисленныхъ рукописей съ несомнѣннымъ почеркомъ Григорія Гершуни, эксперты пришли къ единогласному и твердому убѣжденію, что поименованныя въ пунктахъ первомъ, второмъ и третьемъ рукописи написаны рукою Гершуни, что же касается рукописей и замѣтки на кусочкѣ бумаги, упомянутыхъ въ пунктахъ четвертомъ, пятомъ и шестомъ, то, по мнѣнію экспертовъ, всѣ онѣ писаны одинаковымъ, но измѣненнымъ почеркомъ, вслѣдствіе чего не представляется возможности дать какое-либо опредѣленное заключеніе относительно почерка означенныхъ документовъ; способъ начертанія нѣкоторыхъ буквъ въ припискѣ синими чернилами въ концѣ воззванія (п. 4), по заявленію экспертовъ, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что приписка сдѣлана рукою Гершуни, въ виду чего возможно допустить, что имъ же написанъ весь текстъ этого воззванія, равно какъ воззванія (п. 5) и замѣтки на клочкѣ бумаги (п. 6).

При сопоставленіи текста рукописи, отобранной у Гершуни (пункты 2 и 3), начинающейся: „Шестое мая надолго останется памятнымъ

уфимцамъ“ съ содержаніемъ статьи, помѣщенной въ № 25 журнала „Революціонная Россія“ отъ 1 іюня 1903 г., оказывается слѣдующее: статья эта находится въ отдѣлѣ „Изъ общественной жизни“ и начинается такъ: „Уфа 7-го мая. Шестое мая надолго останется памятнымъ уфимцамъ“, и затѣмъ по своему содержанію есть ни что иное, какъ рукопись Гершуни, подвергшаяся нѣкоторымъ редакціоннымъ измѣненіямъ при напечатаніи съ сохраненіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ фразъ и выраженій съ буквальной точностью. Такъ, напримѣръ, въ рукописи говорится: „Въ 12 часовъ Царская власть въ Уфѣ торжествовала. Иронія судьбы. Минуты счастливаго представителя царя уже были сочтены“, въ статьѣ же журнала изложено такъ: „Въ 12 часовъ дня царская власть въ Уфѣ торжествовала, но минуты жизни ея высшаго представителя уже были сочтены“, въ рукописи: „Въ четыре часа дня на глазахъ многочисленной публики къ ногамъ Губернатора бросается пакетъ“; въ статьѣ „бросается“ замѣнено „былъ брошенъ“ и т. д. Рукопись оканчивается словами: „Когда мы пишемъ эти строки, 6-го вечеромъ, скрывшійся находится въ безопасномъ мѣстѣ, хотя опасность его не миновала. Уфа городъ маленькій, пути сообщенія скверныя и выбраться оттуда очень трудно“. Въ статьѣ же конецъ такой: „Когда мы пишемъ эти строки, скрывшіеся товарищи находятся въ надежномъ мѣстѣ, хотя опасность еще не миновала. Уфа городъ маленькій и выбраться отсюда нелегко“. Далѣе въ томъ же № 25 „Революціонной Россіи“, въ рубрикѣ „Изъ партійной дѣятельности“ напечатано слѣдующее: „6 мая 1903 года Боевая Организація нашей партіи издала по поводу казни Н. М. Богдановича слѣдующую прокламацію (съ эпиграфомъ „По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ“): „Ко всѣмъ гражданамъ Россіи. За попранныя права свои стояли Златоустовскіе рабочіе, за правду и справедливость возстали они“... и т. д. излагается почти дословное повтореніе текста воззванія Гершуни, указаннаго въ пунктѣ четвертомъ; разница только въ томъ, что, напримѣръ, слова „многотысячную толпу“ замѣнены „многочисленную толпу“; передъ фразой рукописи „Объявляемъ всѣмъ гражданамъ Россіи“ въ журналѣ прибавлено „Приговоръ суда выполненъ“. Конецъ рукописи „выполнители приговора скрылись и до сихъ не розысканы“ замѣненъ „выполнители приговора скрылись“. Печатное воззваніе оканчивается требованіями Боевой Организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ, вполнѣ совпадающими съ требованіями, изложенными на найденномъ у Гершуни отдѣльномъ клочкѣ бумаги (п. 6), въ рукописи же стояли еще слова: „7 мая 1903 года. Требованія Б. О. П. С.-Р.“. Засимъ, вслѣдъ за упомянутой прокламаціей, въ „Революціонной Россіи“ помѣщена другая такого содержанія: „Центральный Комитетъ нашей Партіи выпустилъ слѣдующее воззваніе: „Ко всей сознательной трудовой Россіи. Свершилось то, что тревожно ожидалось всѣми. Свершилось то, что свершиться должно было“. Дальнѣйшее содержаніе этого воззванія до словъ „кому дорого дѣло русской революціи“ тождественно съ соотвѣтственною частью рукописи Гершуни (п. 1), за исключеніемъ употребленія въ начальной фразѣ слова „тревожно“ вмѣсто „трепетно“. Послѣ сего въ статьѣ слѣдуетъ: „Нарисовавъ картину Златоустовскаго усмиренія, прокламація продолжаетъ: Мрачно и уныло стоятъ тысячи рабочихъ за своими станками. Въ

головѣ хаосъ, въ душѣ отчаяніе“ и т. д. Это продолженіе, включая добавленія фразы „Десятки тысячъ революціонныхъ листковъ разносятъ о Златоустовскихъ ужасахъ“ и замѣны нѣсколькихъ словъ другими — совершенно одинаково по содержанію съ частью прокламаціи Гершуни, описанной въ пунктѣ пятомъ, только въ печатномъ изложеніи выпущена часть воззванія, начинающаяся въ рукописи словами: „Но насъ прозвали за этотъ отвѣтъ врагами рабочаго движенія“ до словъ: „Такъ отвѣтила Партія соціалистовъ-революціонеровъ на звѣрства и насилія въ Златоустѣ“ включительно. Кромѣ приведенныхъ прокламацій, въ „Революціонной Россіи“ имѣются еще нѣсколько подобнаго же содержанія по поводу того же событія 6-го мая. Такъ С.-Петербургскій Комитетъ, сообщая объ убійствѣ Губернатора Богдановича, между прочимъ, прибавляетъ: „И такъ будетъ съ каждымъ преступникомъ противъ народа. Случайность спасла Оболенскаго, но не спасла ни Сипягина, ни Богдановича. Богдановичъ не первый и не послѣдній. Мы не сложимъ оружія до тѣхъ поръ, пока его не сложитъ правительство передъ требованіями народнаго сознанія, отказывающагося далѣе влачить иго самодержавнаго произвола.“ Смоленскій Комитетъ, разсуждая на ту-же тему, прибавляетъ: „свергнуть самодержавіе — первая задача революціонеровъ“ и оканчивается словами: „Долой самодержавіе. Да здравствуетъ свобода“. Полтавская группа соціалистовъ-революціонеровъ восклицаетъ въ концѣ: „Слава героямъ 6-го мая. Слава смѣлымъ борцамъ за свободу. Долой произволъ. Долой самодержавіе“. Наконецъ, въ прокламаціи группы соціалистовъ-революціонеровъ въ Крыму приводится: „За Балмашевымъ, Лекертомъ, Качурой послѣдовали неизвѣстные намъ по именамъ герои, убившіе Богдановича“, а затѣмъ говорится „началась страшная борьба, въ ней, только въ ней, обрѣтемъ мы свое право на счастье, на свѣтъ и свободу, и, чтобы добиться этого права, Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ рѣшилась на всѣ средства, вплоть до самыхъ грозныхъ и рѣшительныхъ. Долой Царя. Проклятье царскимъ опричникамъ и народнымъ угнетателямъ. Да здравствуютъ борцы за народное счастье и волю. Да здравствуетъ политическая свобода. Да здравствуетъ соціализмъ“. Кромѣ вышеупомянутыхъ рукописей и вещей, при задержаніи Гершуни 13-го мая, было отобрано отъ него еще нѣсколько кусочковъ бумаги съ различнаго рода замѣтками и условными знаками, а также револьверъ системы Броунинга съ 8-ю боевыми патронами, изъ нихъ семь было въ объемѣ магазина, а одинъ отдѣльно и 2 паспортныхъ книжки. По осмотрѣ паспортныхъ книжекъ оказалось, что первая выдана изъ Управленія Псковскаго мѣщанскаго общества на 3 января 1902 года за № 12 на имя мѣщанина Рафаила Натанова Родъ, съ женой Анной Изралевой, листы книжки, служащіе для полицейскихъ отмѣтокъ (съ 11—30) о прописке вида на жительство, вырваны. Вторая книжка представляетъ собою заграничный паспортъ, выданный 23 ноября 1902 г. Кіевскимъ Губернаторомъ мѣщанину Рафаилу Родъ съ женой Анной; изъ имѣющихся въ паспортѣ отмѣтокъ штемпелями видно, что владѣлецъ его выѣхалъ заграницу, черезъ станцію Александрово 24-го ноября 1902 года, безъ жены, а возвратился въ Россію черезъ „Унгены“ 12-го февраля 1903 г., паспортъ этотъ явленъ въ Управленіи Московской части гор. Воронежа 23 февраля

1903 года. При разслѣдованіи выяснилось, что паспортъ на имя Родъ за № 12 подложный, при чемъ подписи административныхъ лицъ, какъ установлено экспертизой, сдѣланы на обоихъ паспортахъ рукой Гершуни. Засимъ, по изслѣдованіи пистолета системы Броунинга и патроновъ оказалось, что каналъ ствола пистолета смазанъ саломъ, а присутствіе въ немъ налета, приводитъ къ заключенію, что изъ пистолета былъ произведенъ выстрѣлъ, но опредѣлить время его представляется невозможнымъ, на пуляхъ ядовитаго вещества не имѣется.

По предъявленіи Григорія Гершуни указаннымъ выше Вильгельминѣ Гелинъ (рожденной Карлсонъ), обвиняемому отставному поручику Григорьеву и Юліи Юрковской, названныя лица признали въ Гершуни — Карлсонъ полное сходство съ тѣмъ лицомъ, которое въ концѣ марта 1902 года останавливалось въ комнатѣ № 9 гостинницы „Сосіетэ“ въ гор. Выборгѣ подъ фамиліей „Брентовъ“; Григорьевъ категорически ту личность, о которой онъ упоминалъ въ своихъ показаніяхъ подъ именемъ „Федора Петровича“ и которую еще раньше опозналъ по фотографической карточкѣ; эту же личность Ремянникова называла ему „Дмитріемъ Николаевичемъ“; Юрковская — сходство съ тѣмъ „Федоромъ Петровичемъ“, о которомъ она говорила въ своихъ показаніяхъ. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго Григорій Гершуни заявилъ, что ни на какіе вопросы по дѣлу отвѣчать не будетъ, при чемъ отказался первоначально и отъ подписи протокола.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ и документамъ о личности обвиняемыхъ значится:

1. Евгеній Константиновичъ Григорьевъ, 25 лѣтъ, сынъ капитана, воспитывался въ Симбирскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и окончилъ курсъ 3-хъ классовъ въ Константиновскомъ (? Ред. „Осв.“) Артиллерійскомъ училищѣ, 9-го августа 1899 г. произведенъ въ подпоручики съ назначеніемъ въ 33 Артиллерійскую бригаду, въ поручики произведенъ 19-го августа 1901 г., зачисленъ слушателемъ въ Михайловскую Артиллерійскую Академію 20 октября 1901 г.; по болѣзненному состоянію оставленъ на второй годъ въ младшемъ классѣ, въ отпуску по болѣзни находился съ 3-го іюня по 27 августа 1902 года, орденовъ и знаковъ отличія не имѣетъ. Высочайшимъ приказомъ 29 марта 1903 года уволенъ отъ службы. 24-го сентября 1903 года вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицей Юліей Юрковской.

2. Людмила Александровна Ремянникова, 37 лѣтъ, дочь екатеринбургскаго купца, дѣвица, воспитывалась въ Екатеринбургской женской гимназіи и затѣмъ окончила въ 1897 году С.-Петербургскіе Рождественскіе курсы, состояла на службѣ въ должности фельдшерицы при лазаретѣ Исидоровскаго епархіальнаго женскаго училища, къ дознанію по государственнымъ преступленіямъ ранѣе не привлекалась.

3. Аронъ Іословичъ Вейценфельдъ, 24 лѣтъ, изъ мѣщанъ г. Житомира, въ 1901 году зачисленъ въ ратники государственнаго ополченія, былъ привлеченъ къ дознанію о „Екатеринославскомъ Комитетѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ“.

4. Михаилъ Михайловичъ Мельниковъ, 26 лѣтъ, изъ мѣщанъ г. Селенгинска, воспитывался въ Троицко-Савскомъ реальномъ училищѣ;

въ 1897 г. поступилъ въ Горный Институтъ, но курса не окончилъ, къ дознаніямъ по государственнымъ преступленіямъ привлекался: а) по дѣлу о С.-Петербургскомъ кружкѣ соціалистовъ-революціонеровъ Высочайшимъ повелѣніемъ 26-го апрѣля 1900 года отданъ подъ гласный надзоръ полиціи на три года въ мѣстѣ приписки городѣ Селенгинскѣ, но до приведенія въ исполненіе сего повелѣнія, 18-го февраля 1900 года скрылся; б) въ 1902 году былъ привлеченъ къ дознанію при Харьковскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи.

5. Гершъ Исаковъ-Ицковъ Гершуни (онъ же Григорій Андреевъ Гершунъ и Гершунинъ), 33 лѣтъ, изъ мѣщанъ г. Шавли.

На основаніи изложеннаго Гершъ Гершуни, 33 лѣтъ, мѣщанинъ Михаилъ Мельниковъ, 26 лѣтъ, мѣщанинъ Аронъ Вейценфельдъ, 24 лѣтъ, отставной поручикъ артиллеріи Евгеній Григорьевъ, 25 лѣтъ, и дочь Екатеринбургскаго купца, дѣвица Людмила Ремянникова, 37 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что, вступивъ въ преступное сообщество, именующее себя „Партіей Соціалистовъ-Революціонеровъ“, стремящееся путемъ подстрекательствѣ крестьянъ, рабочихъ и учащихся къ масовымъ безпорядкамъ, а также путемъ насилія, бунта и возстанія къ ниспроверженію существующаго въ Россіи образа правленія и самодержавной власти и присоединившись къ той группѣ названнаго сообщества, которая, подъ именемъ „Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ“, приняла на себя совершеніе убійствъ высшихъ должностныхъ лицъ правительственной власти въ Россіи, дѣятельность которыхъ наиболѣе препятствовала достиженію преступной цѣли означеннаго сообщества, а также лицъ, которыя принимали необходимыя мѣры къ прекращенію возникшихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи безпорядковъ среди крестьянъ и рабочихъ, они:

1. Гершуни, Мельниковъ, Григорьевъ и Ремянникова, задумавъ, совмѣстно съ другими членами партіи и казненнымъ нынѣ дворяниномъ Степаномъ Балмашевымъ, лишить жизни Министра Внутреннихъ Дѣлъ егермейстера Сипягина, составили совмѣстно планъ убійства, пріобрѣли необходимыя для сего средства, оружіе и патроны и, когда Балмашевъ 2-го апрѣля 1902 года совершилъ убійство егермейстера Сипягина, приняли участіе въ составленіи и распространеніи преступныхъ воззваній, оправдывающихъ это злодѣяніе и подстрекающихъ къ новымъ насиліямъ;

2. Гершуни, Мельниковъ, Григорьевъ и Ремянникова, задумавъ, совмѣстно съ другими членами того же преступнаго сообщества, лишить жизни Оберъ-Прокурора Св. Синода Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева, составили планъ совершенія убійства, пріобрѣли необходимое оружіе, изготовили патроны съ отравленными пулями и не привели въ исполненіе своего преступнаго замысла лишь по особо встрѣтившимся къ тому затрудненіямъ;

3. Гершуни и Вейценфельдъ, задумавъ, совмѣстно съ другими членами партіи, лишить жизни Харьковскаго Губернатора князя Оболенскаго, составили планъ сего убійства, склонили крестьянина Фому Качуру совершить это преступленіе, дали Качурѣ необходимыя средства, оружіе и патроны съ отравленными пулями; когда Качура колебался совершить преступленіе, Гершуни настойчиво убѣждалъ его не отступать отъ своего намѣренія, вслѣдствіе чего

Качура и совершилъ посягательство на жизнь князя Оболенскаго, произведя въ него 29-го іюля 1902 года нѣсколько выстрѣловъ, коими контузилъ князя и поранилъ бывшаго при задержаніи его, Качуры, Харьковскаго Полиціймейстера Безсонова;

4. Гершуни, задумавъ, совмѣстно съ другими членами того же преступнаго сообщества, совершить убійство Уфимскаго Губернатора Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Богдановича, составилъ планъ сего убійства, заготовилъ отъ имени названнаго преступнаго сообщества смертный приговоръ Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Богдановичу, и когда 6 мая 1903 года въ г. Уфѣ членами „Боевой Организаціи“ выстрѣлами изъ револьверовъ былъ убитъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Богдановичъ, означенный смертный приговоръ былъ оставленъ на мѣстѣ убійства, а послѣ совершенія сего преступленія Гершуни составилъ и распространялъ воззванія, оправдывающія убійство Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Богдановича и подстрекающія къ новымъ насиліямъ; и

5. Мельниковъ, будучи привлеченъ въ февралѣ 1902 года къ дознанію о распространеніи противоправительственныхъ изданій названнаго сообщества и находясь 3 апрѣля 1902 г. въ г. Саратовѣ, онъ, замѣтивъ наблюденіе за нимъ полицейскаго агента околодочнаго надзирателя Александрова съ видимою цѣлью задержать его, и, желая скрыться, бросился на Александрова и нанесъ ему въ лицо нѣсколько ударовъ ножемъ, чѣмъ причинилъ нѣсколько ранъ, послѣ чего, вырвавшись отъ Александрова, скрылся; дѣянія эти въ отношеніи всѣхъ подсудимыхъ предусмотрѣны 249 ст. Улож. о нак. угол. и исправ. изд. 1885 года, и, въ виду послѣдовавшаго распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ о передачѣ настоящаго дѣла (на основаніи 17 ст. Высочайше утвержденнаго положенія о Государственной охранѣ), на разсмотрѣніе Военнаго Суда для сужденія по законамъ военнаго времени также 18 ст. означеннаго положенія о мѣрахъ къ охраненію Государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-е.

Обвинительный актъ составленъ въ г. С.-Петербургѣ января 17-го дня 1904 г.

* * *

Свидѣтели: 1. Отставной унтеръ-офицеръ Григорій Лукъяновъ Лукъяновъ; 2. кандидатъ коммерціи Лейба Лейбовъ Сагаловъ; 3. отставной рядовой Кириллъ Алексѣевъ Федоровъ; 4. Борисоглѣбскій мѣщанинъ Иванъ Кузьминъ Кузьминъ; 5. мѣщанинъ Василій Карповъ Харкевичъ; 6. носильщикъ Иванъ Фоминъ Пардоненъ; 7. финляндскій уроженецъ Алексѣй Герасимовъ Голубцовъ; 8. финляндская уроженка Вильгельмина Ивановна Карлсонъ, по мужу Гелинъ; 9. финляндскій уроженецъ Андрей Андреевъ Нурдбергъ; 10. дворянка Юлія Феликсовна Юрковская, по мужу Григорьева; 11. поручикъ артиллеріи Владиміръ Леонидовъ Васильевъ; 12. поручикъ Борисъ Ивановичъ Надаровъ; 13. крестьянка Нижегородской губ. Прасковья Федоровна Миронова; 14. крестьянка Шенкурскаго уѣзда Марфа Васильева Писякова; 15. штабсъ-капитанъ Михаилъ Михайловъ Долуха́новъ; 16. поручикъ Владиміръ Иннокентьевичъ Забиша; 17. капитанъ Алексѣй Алексѣевичъ Род-

зѣевскій; 18. крестьянка Нижегородской губ. Надежда Яковлева Шилина; 19. дочь діакона Евдокія Галактіонова Жудро; 20. крестьянка Енисейской губ. Анна Николаева Лыткина; 21. околодочный надзиратель, отставной фельдфебель Гавріилъ Александровъ Александровъ; 22. полицейскій чиновникъ Емельянъ Леонтьевъ Шкралевъ; 23. личный почетный гражданинъ Павелъ Ивановъ Кахобановскій; 24. ссыльно-каторжный Ѳома Корнѣевъ Качура; 25. крестьянинъ Никифоръ Григорьевъ Поддубка; 26. помощникъ пристава Борисъ Ивановъ Шпиговъ; 27. дворянка Елена Григорьева Давыдовская; 28. дворянинъ Василій Николаевъ Давыдовскій; 29. городовой Несторъ Петровъ Дудулатъ; 30. граверъ Захаръ Ивановъ Алабышевъ; 31. граверъ Н. В. Нечаевъ; 32. преподаватель Дмитрій Анемподистовъ Дмитріевъ; 33. переводчикъ съ финскаго языка (по усмотрѣнію суда).

Въ личномъ вызовѣ свидѣтелей Лыткиной, Шкралева, Кахованскаго, Давыдовскаго, Давыдовской и Поддубка не встрѣчается необходимости.

Подлинный подписалъ: Военный Прокуроръ, Генералъ-Лейтенантъ Павловъ.

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
АКАДЕМИИ